Евгений Григорьевич Сокол (настоящая фамилия – Соколов) родился в 1893 году в городе Болхове Орловской губернии. Стихи начал писать с 15 лет. Печатался в газете «Орловский вестник». Окончил в Орле гимназию (1910), учился в Петербургском землемерном училище, но увлёкся театром: был в Орле в приезжей труппе статистом, играл небольшие роли под псевдонимом Рахманов (1911-1912). Поддержал Евгения Сокола Саша Чёрный, посетивший Орёл и Болхов (1913), переслал стихи в журналы Москвы и Петербурга, некоторые из них увидели свет в «Осе» и «Ежемесячном журнале». Увлёкся переводами с немецкого.

В 1915 году Е.Г. Сокол был мобилизован, весной 1916 года попал на фронт, был контужен. Летом вернулся домой на лечение. Несколько недель жил у родственников (с. Воиново Болховского уезда), писал лирические стихи, которые легли в основу его сборника «Триолеты и мадригалы». Осенью (1916), зачисленный в запасной полк, Евгений Григорьевич оказался в Орле, где и застала его февральская революция. Он с головой ушел в политическую жизнь и с радостью принял Октябрьскую революцию. Работал в ревкоме, был секретарём орловских «Известий» (1918-1919), возглавлял губернское правление профсоюза работников искусства, встречался с З. Н. Есениной (Райх).

Первый сборник стихов «Триолеты и мадригалы» (Орёл, 1917) написал под влиянием Игоря Северянина и других знаменитых поэтов. В 1919 году в Орле вышли книги «Поэма о революции», «Русь», «Красные набаты». Печатался в сборниках: «Зелёный шум» (Орёл, 1922), «Новые стихи» (М., 1926), издал сборник рассказов «По стопам отцов» (М., 1928).

В 1923 году переехал в Москву, сотрудничал в «Безбожнике»; в книге «Памяти Есенина» (М., 1926) поместил свои воспоминания «Одна ночь», да и сама книга вышла по его инициативе. Сокол был в дружбе с С.А. Есениным, получил от него подарки-автографы (на книгах, на отдельных листках), провёл с ним последнюю московскую ночь; посвящал ему стихотворения – одно при жизни поэта, одно – после гибели. В последние годы Сокол переводил поэтов Белоруссии, Кавказа, Гёте, Бехера, с цыганского – земляка А. Германо. Работал над переводом «Слова о полку Игореве». Из письма Ю.Н. Соколова, племянника поэта, орловскому библиофилу А.С. Захарову: «Теперь о последних годах Евгения Сокола. Он себя плохо чувствовал, ведь у него был туберкулёз лёгких, да и нога болела. Последний раз я помню его во времена похорон моего дедушки (отца матери) на Преображенском кладбище – он был с палкой. В конце 1938 г. он был арестован и в 1939 г. умер в Бутырской тюрьме. Посмертно он был реабилитирован».

ISBN 978-5-9708-1202-0
9 785970 812020

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО • ЕВГЕНИЙ СОКОЛ И ГАЗЕТА «ГУДОК»

АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

В ОДНОЙ РЕДАКЦИИ С БУЛГАКОВЫМ, КАТАЕВЫМ, ИЛЬФОМ И ПЕТРОВЫМ

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ И ГАЗЕТА «ГУДОК»

Будь начеку и бестрепетно жди
Битвы кровавого мига.
С сердцем бесстрашным в суровой груди,
С песней, с винтовкою, с книгой.

Евгений Сокол,
1927 год

Алексей Кондратенко

В ОДНОЙ РЕДАКЦИИ С БУЛГАКОВЫМ, КАТАЕВЫМ, ИЛЬФОМ И ПЕТРОВЫМ

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ И ГАЗЕТА «ГУДОК»

Орёл – 2024

УДК 070
ББК 76.003(2Рос-4Орл)
К 64

Издание осуществлено при поддержке:
Орловской региональной общественной
организации «Союз военных литераторов»

Кондратенко А. И.

К 64 В одной редакции с Булгаковым, Катаевым, Ильфом и Петровым: Евгений Сокол и газета «Гудок». – Орёл: Издательство «Картуш», 2024. – 120 с.

ISBN 978-5-9708-1202-0

Книга посвящена участию уроженца города Болхова Орловской губернии, поэта и публициста Евгения Сокола (1893–1939) в московской газете «Гудок». Читатель имеет возможность познакомиться с максимально полной на данное время биографией этого незаурядного человека, окунуться в неповторимую творческую атмосферу редакции железнодорожной газеты в середине 1920-х годов, когда Сокол работал здесь вместе с классиками советской литературы: Михаилом Булгаковым, Валентином Катаевым, Ильёй Ильфом и Евгением Петровым, Юрием Олешей…

В приложении приведён ряд текстов Сокола, напечатанных в «Гудке». Они сопровождаются примечаниями и комментариями.

На фронтисписе фото Евгения Сокола (из фондов Орловского объединённого государственного литературного музея И. С. Тургенева № ОФ 21785).

УДК 070
ББК 76.003(2Рос-4Орл)

ISBN 978-5-9708-1202-0

© А.И. Кондратенко, 2024
© Союз военных литераторов, 2024
© ООО ПФ «Картуш», 2024

В ОДНОЙ РЕДАКЦИИ С КЛАССИКАМИ

Книга, которую вы, уважаемый читатель, держите в руках, необычна и по-своему даже уникальна. Впервые после почти столетнего забвения вниманию публики представлены неизвестные прежде публикации в газете «Гудок» выдающегося поэта и журналиста Евгения Сокола.

Есть что-то магическое и завораживающее в штабелях давно пожелтевших газетных подшивок, покоящихся в архивных и библиотечных хранилищах вне воздействия солнечного света и влажности, без доступа посторонних лиц. Откроешь потёртые крышки этих огромных «книг», и будто оживут перед глазами события давно минувших дней, имена, судьбы, обыденные и невероятные факты ставших историей эпох. Эта «магия» в последнее время захватывает всё больший круг исследователей. С удивительным постоянством в книжном мире и в Интернете появляется всё больше републикаций забытых изданий, новых архивных сборников, монографий, биографических исследований. В этом ряду никогда не угасал и, надеемся, не угаснет живой интерес к 1920-м гг. — первой послереволюционной поре, времени залечивания военных ран и времени НЭПа, удивительной «оттепели», полной творчества, надежд, дерзновенных замыслов и мечтаний.

Потомкам интересно знать, как жили прадеды, чему поклонялись и что порицали, чем были наполнены будни и праздники, как складывались отношения между людьми. В какой-то степени ответить на эти вопросы предлагает и данное издание.

Необходимо сразу признать, что о газете «Гудок» 1920-х гг., в первую очередь об участии в ней Михаила

Булгакова, написано немало: воспоминания журналистов редакции[1], обзорные статьи и разного рода исследования[2] вплоть до нескольких диссертаций[3].

Приехав в Москву в начале 1920-х гг., Булгаков после нескольких неудач устроился на стабильную работу в «Гудке». По совпадению, именно в этой газете был большой юмористический отдел («четвёртая полоса»). Хотя «Гудок» являлся довольно крупным всесоюзным изданием, в «табели о рангах» большевистской прессы он оставался второстепенной газетой профсоюза транспортников. Появление здесь «четвёртой полосы» (аналога 16-й полосы «Литературной газеты» 1960-х — 1980-х гг.) можно объяснить только особой атмосферой НЭПа и искренним стремлением руководства редакции завоевать внимание (а то и любовь) читательской аудитории.

Злободневные темы публикаций, живой язык, бьющие не в бровь, а в глаз карикатуры и фельетоны были отличным дополнением к производственной тематике остальных полос газеты. Важно и то, что редакторату «Гудка» удалось привлечь к участию первоклассных писателей. Если перечислять только крупные имена, там, помимо Булгакова, работали Катаев, Петров, Ильф, Олеша, Паустовский, Зощенко. И если они не образовали официального

[1] Катаев В.П. Алмазный мой венец (1978); Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е.С. Булгакова, С.А. Ляндрес (1988) и др.

[2] Кустина Т. Из заметок о М.А. Булгакове-фельетонисте (1967); Кройчик Л.Е. М. Булгаков — фельетонист «Гудка» (1969), Кухта Е. Сатирический театр фельетонов М. Булгакова в «Гудке» (1988); Штейман М.С. М. Булгаков-фельетонист на страницах «Гудка» (2014); С.С. Сатахин. О романе Михаила Булгакова с «Гудком» (2015) и др.

[3] Степанов Н.С. Сатира Михаила Булгакова в контексте русской сатиры XIX — первой половины XX вв. (1999); Кривошейкина М.С. Жанр фельетона в журналистском творчестве М.А. Булгакова: Период работы в газетах «Накануне» и «Гудок» (2004); П.В. Кузнецов. Своеобразие фельетонистики 1920-х гг. в газете «Гудок» (2011); Сальман Е.А. Специфика языка эпохи в контексте авторского словоупотребления: на материале публицистики М.А. Булгакова 1920-х годов (2012) и др.

литературного кружка (для той эпохи вещи совершенно естественной), значит, такой кружок был негласным, большинство его составляли одесситы.

Коллеги Булгакова по «Гудку» были очарованы новым сотрудником и приняли его в свою компанию. Но этому способствовали не только характер Михаила Афанасьевича и литературные способности, но также его склонность к лицедейству. Булгаков никогда и никому не показывал своего истинного отношения, а иронизировал и дразнился так, что особо не придерёшься. В свою очередь он более или менее терпимо относился к насмешкам в свой адрес и любил пошутить над собой. Наиболее близко Булгаков сошёлся с Валентином Катаевым. Катаев тоже происходил из среды образованных поповичей, окончил гимназию, служил в армии. Они подходили друг другу по характеру, увлекались литературой и мечтали разбогатеть.

А вот как вспоминал Ю. Олеша о своём коллеге Илье Ильфе: «Ильф был «правщиком». Так называлась его должность по штату. Письму рабкора нужно было придать литературную форму. Ильф проявлял своё оригинальное и блестящее дарование. Заметки, выходившие из-под его пера, оказывались маленькими шедеврами. В них сверкал юмор, своеобразие стиля. Это было в полной мере художественно. Делалось это легко и изящно. Создание каждой такой заметки было весёлым и захватывающим событием для всего коллектива редакции. Менее всего можно было назвать эту работу бездушной, будничной газетной работой, — это было творчество, мастерство, полная жизнерадостности деятельность художника»[4].

По вечерам, когда были сданы все материалы в номер, в комнате «Четвёртой полосы» собирался весь литера-

[4] Олеша Ю.К. Избранные сочинения. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1956. С. 386.

турный цвет «Гудка». Об этой комнате ходили противоречивые слухи. По замечанию одной из курьеров «Гудка», в этой комнате «шесть здоровых мужиков ничего не делают, только пишут». Завсегдатаями посиделок были Валентин Катаев, Михаил Булгаков, Евгений Петров, Лев Славин, Арон Эрлих... Сюда часто заглядывали Виктор Шкловский, Исаак Бабель, Константин Паустовский. По словам Ильфа, в комнате «четвёртой полосы» царил «пир остроумия». Михаил Штих в своих воспоминаниях писал: «Здесь обитает редакционный отдел, заполняющий своей продукцией четвёртую — зубодробительную — полосу «Гудка». Из шести «здоровых мужиков» трое — так называемые литобработчики: Илья Ильф, Борис Перелёшин и я. Мы делаем из рабкоровских писем злые фельетонные заметки о бюрократах, пьяницах и прочих лиходеях транспорта. Остальные делают своё: Овчинников руководит, художник Константин Наумыч Фридберг тут же рисует к нашим заметкам устрашающие карикатуры. Олеша пишет в номер очередной стихотворный фельетон»[5].

А вот отрывок из воспоминаний И.С. Овчинникова: «Фельетонист Олеша и художник Фридберг пользовались льготой: приходили и в одиннадцать, и в двенадцать — когда им было удобно. Явившись с большим опозданием, Олеша на этот раз был несколько навеселе. Заметив это, обитатели комнаты, свои и приблудившиеся, прямо от двери взяли его под руки и поставили на ближайший стол. Так начался сеанс стихотворных импровизаций, эпиграмм и каламбуров, своего рода «египетские ночи». Присутствовавшие предлагали Олеше тему, задавали вопросы — и он немедленно отвечал четверостишием. В комнате ста-

[5] Подробнее см.: Сборник воспоминаний об И. Ильфе и Е. Петрове / Сост. Г. Мунблит, А. Раскин. М.: Сов. писатель, 1963.

новилось шумно. На шум сейчас же набегали работники других отделов, заглядывали даже случайные прохожие»[6].

Одним из сотрудников «Гудка» в то время был поэт Георгий Шенгели. Он занимал должность судебного репортёра и, на вполне регулярной основе, писал для «Гудка» прозаические и стихотворные фельетоны. Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) родился в Темрюке, с 15 лет сотрудничал в газетах (хроника, фельетоны, стихи), учился в университете в Москве, затем в Харькове. Входил в круг известных поэтов, был популярен и как автор книги «Как писать статьи, стихи и рассказы», выдержавшей несколько изданий.

Профессиональные журналистские интересы Шенгели вполне совпадали с интересами фельетонистов. Однако при всей дани уважения к сатирическому жанру, необходимо отметить и то, что судебный репортаж имеет свои глубокие корни в русской журналистике, ему посвятили годы творческой работы многие сотрудники изданий, как ставшие впоследствии известными публицистами и прозаиками, так и оставшиеся безвестными. Достаточно вспомнить имена Владимира Короленко, Леонида Андреева, Власа Дорошевича.

Простота, на взгляд читателя, отчёта с судебного заседания обманчива. Судебный репортаж, пожалуй, один из самых сложных жанров в журналистике. Качественная подготовка материала требует от автора многого: это и умение живо подать информацию о скупых и рутинных процедурах, которые можно наблюдать в суде, это и навык из общего потока слов участников процесса выделить суть конфликта. Необходима некая стрессоустойчивость: сложно дистанцироваться от личных трагедий людей и не

[6] Воспоминания о Михаиле Булгакове / Сост. Е.С. Булгакова, С.А. Ляндрес. М.: Сов. писатель, 1988. С. 141 – 142.

стать на чью-либо сторону. Но самое сложное — это разобраться в точной юридической терминологии и не сделать ошибку в публикации. К тому же судебная журналистика имеет важный гражданский контекст. Благодаря нахождению журналиста в процессе, он становится прозрачнее, а судьи дисциплинированнее. Благодаря освещению средствами массовой информации судебных процессов перед обществом возникают важные вопросы об адекватности и пропорциональности наказания, моральности действий участников судебного процесса, повышается социальный авторитет суда как государственного института и т.д.

Итак, атрибуты судебного репортажа — краткость, ясность, чётко выраженная гражданская позиция автора. В «Гудке» к этим жанровым особенностям добавлялся устоявшийся колорит четвёртой полосы — занимательность (иногда с элементами драматургии) повествования, живой, сочный язык, доверительность общения с читателем.

Можно предположить, что Шенгели, уезжая на время из Москвы, попросил Сокола заменить его на редакционном посту. Документальное подтверждение тому отсутствует, но многое на это указывает. Почему выбор пал именно на Сокола? Они, почти ровесники, были отлично знакомы по общественной работе во Всероссийском Союзе поэтов: Шенгели занимал пост председателя, Сокол — ответственного секретаря союза. Кстати, многие известные писатели работали тогда в периодике (вспомним имена Иосифа Уткина и Виктора Кина («Комсомольская правда»), Фёдора Панфёрова («Крестьянский журнал»), Льва Овалова (журнал «Селькор»), Андрея Новикова («Крестьянская газета»)). Правда, большинство из них были редакторами, а не рядовыми репортёрами. Причин невысокого положения Шенгели, а за ним и Сокола в редакционной иерархии, наверное, немало, но они и не

претендовали на это положение, рассматривая работу в «Гудке» как источник заработка. К тому же во внимание надо принять то, что и Шенгели, и Сокол не состояли в коммунистической партии и, соответственно, не могли претендовать на номенклатурную должность.

33-летний Евгений Сокол пришёл в «Гудок» в непростое для него время. Ещё и года не прошло после смерти Есенина, обозначившей финал прежнему расцвету поэтических вдохновений и начинаний. Материальное положение Сокола в то время было весьма скромным (вряд ли достаток могла приносить должность лектора литературных курсов), жилищные условия также не из лучших — комната в коммунальной квартире. За новую работу он взялся с энергией, вспомнив прежние навыки репортёрского дела.

Откроем сохранившееся в фондах Орловского музея И.С. Тургенева удостоверение газеты «Гудок» от 10 августа 1926 г.: «Дано Е. Г. Соколу в том, что ему поручено редакцией “Гудка” обслуживать судебные процессы. Действительно по 1 сентября 1926 г.»[7]. Судя по очень короткому интервалу между двумя указанными датами, это был некий испытательный срок для гудковского новичка Сокола, сотрудничество которого в редакции началась ещё с июльских публикаций. К тому же удостоверение было дано для того, чтобы сотрудник мог без проблем посещать судебные заседания. Каждый «уважающий себя» человек в те времена был обязан иметь «корочку» (в «Гудке» можно встретить много упоминаний о подобных коллизиях).

Очевидно, Сокол вполне справился с новой должностью. Сохранилось следующее удостоверение газеты «Гудок»:

[7] Орловский объединенный государственный литературный музей И. С. Тургенева (далее – ОГЛМТ). ОФ № 11416.

«тов. Сокол является сотрудником по отделу искусств <зачеркнуто, вставлено: “обслуживает по отделу суда”. — А.К.>. Редакция просит администрации зрелищных предприятий <последние три слова зачёркнуты. — А.К.> оказывать тов. Соколу возможное содействие в получении материалов. Удостоверение действительно до 1 сентября <зачёркнуто, вставлено: “до 31 декабря”. — А.К.> 1927 года»[8]. Существует и третье удостоверение, в котором указано, что Сокол — сотрудник газеты «Гудок» по судебному отделу и отделу происшествий. Данное удостоверение было выдано 23 марта 1928 г. и продлено до 1 октября 1928 г.[9]

Ныне удалось выявить более 120 публикаций Сокола в «Гудке» за период 1926 — 1928 гг. В основном это судебные репортажи (более 90 публикаций), а также фельетоны (5), статьи (8), рецензии (7), стихи (10), рассказ.

Прежде чем перейти к краткому обзору публикаций, обратим внимание на то, как автор подписывал их. Большинство судебных репортажей подписано «Сигма», остальные — криптонимом «С.» (последующее краткое изложение решения суда по итогам процесса вообще публиковалось без подписи). Логично предположить, что секретарь Союза поэтов не хотел ставить свою подлинную подпись под криминальными заметками. Зато стихотворения обычно подписывал полностью — «Евгений Сокол» (то же касается и единственного рассказа), статьи, рецензии и фельетоны — «Сигма» или «Евгений Сокол».

По большому счёту, ни одно своё произведение в «Гудке» автор не подписал подлинной фамилией (Соколов), в ходу были либо поэтический псевдоним «Сокол», либо русская транскрипция одной из букв греческого алфа-

[8] ОГЛМТ. ОФ № 11467.
[9] ОГЛМТ. ОФ № 11506.

вита — «Сигма». Происхождение этого псевдонима вполне объяснимо: видимо, ещё учась в гимназии, будущий поэт обратил внимание на то, что начертание этой иностранной буквы как бы совмещает в себе сокращения его имени и фамилии. Подпись «Сигма» Сокол активно использовал ещё в орловской периодике, начиная с 1917 г. (однако использовал тогда для подписи латинский алфавит).

Как уже указывалось, подавляющее большинство публикаций Сокола в «Гудке» — судебные отчёты (репортажи). Они создавались в том же «силовом поле», в котором работали мэтры фельетонистики. К.Г. Паустовский вспоминал: «Сотрудники «Четвёртой полосы» делали из каждого письма короткий и талантливый рассказ — то насмешливый, то невероятно смешной, то гневный, а в редких случаях даже трогательный. Неподготовленных людей ошеломляли самые заголовки этих рассказов… Далеко не каждого принимали в этой комнате приветливо. Халтурщиков встречали зловещим молчанием, а бахвалов и крикунов — ледяным сарказмом»[10].

Революционный поэт Сокол, он явно не хотел поэтизировать Москву нэповскую — напротив, жаждал со всей страстностью обличать антигероев. Современного читателя, наверное, удивит то, что на 10-м году Советской власти (и позднее) в столице сохранялось столько, по выражению официальной пропаганды, пережитков прошлого. Более того, даже люди, облечённые новой властью, не прочь были жить старыми привычками (чего стоит история милиционера, содержащего притон). Без всяких реверансов Сокол рисует неприглядное нутро Москвы: воришки, громилы, беспризорники, растлители, проститутки, магазинные мошенники и прочие тёмные дельцы.

[10] Клуб знаменитых капитанов и другие любимые читателями авторы 80-летнего «Гудка». Юбилейный выпуск. М.: Издательский центр газеты «Гудок», 1997. С. 11.

Немало схожих историй и в провинции, но здесь ещё добавляются такие персонажи, как бывшие жандармы и каратели-золотопогонники.

Конечно, закон и справедливость в каждой рассказанной истории торжествуют, как и подразумевает сам смысл общения советской газеты с широким читателем. Но, право, наверное, и самому Соколу в какой-то момент казалось, что ускорься судебные процессы даже десятикратно, не иссякал бы поток новых и новых следствий, обвинений, разбирательств и наказаний. Что-то не так было в самом социуме, пережившем несколько войн и революций, лишённом старых идеалов и религиозных устоев. Перед Соколом разворачивалась масштабная картина состояния послереволюционного общества. Но становиться бытописателем, браться за большое полотно (поэма, сатирическая пьеса, роман) он не хотел или, по неизвестным нам причинам, не мог.

А вот для Ильфа и Петрова обычная «гудковская» криминальная хроника становилась ценным источником для творчества. Образ миллионера Корейко — противника Остапа Бендера в романе «Золотой телёнок» — был сформирован ими на основе появлявшихся в их газете судебных репортажей.

Отдав дань судебной хронике, Сокол проявляет себя на страницах «Гудка» и в других жанрах. Это, по давней традиции, поэзия, причём не лирическая, а высокогражданственная. Выступает он и с переводами, это была не первая попытка освоить ремесло переводчика — немецкая поэзия привлекала его ещё в юном возрасте, накануне Первой мировой войны. Публикации поэтических переводов Сокола в «Гудке» — скорее не итог, а серьёзная заявка на продолжение этой работы в будущем, на куда более высоком уровне.

В «Гудке» помещено несколько рецензий Сокола на новые книги и фильмы. Их особенность — краткость, «пролетарская» принципиальность, прямое обращение к читателю. Эти же свойства присущи и статьям, которые также посвящены в основном литературно-зрелищной сфере (съезд писателей, полиграфическая выставка, антирелигиозный музей). Сокол чужд велеречивости и пафосности, не скрывает проблем и недостатков, ищет в читателе союзника своему критическому настрою.

Необходимо также отметить очевидный интерес автора, члена Союза воинствующих безбожников СССР, к атеистической тематике. Кстати, отдал ей дань и Михаил Булгаков — его фельетон «Главполитбогослужение» (Гудок. 1924. 24 июля) стал одним из самых цитируемых и анализируемых современными исследователями и ценителями творчества классика.

Можно предположить, что интерес Сокола к антирелигиозной теме определялся не только и не столько конъюнктурными соображениями (свободный доступ к информации такого рода, план устроиться на какую-либо должность в Союз воинствующих безбожников), а самим настроем автора, который видел в разнузданном атеизме продолжение столь родной и близкой ему революционной стихии.

Вызывает некоторое удивление то, что в массиве публикаций так редко встречаются другие «родственные» моменты из биографии Сокола — орловские реалии. Так, действие рассказа «Честолюбивый отец» происходит явно на малой родине автора — в уездном Болхове (в тексте — «Болтов»). Очень метко и дальновидно «поддел» Сокол своего земляка, железнодорожного учителя Азбукина, в виде общественной нагрузки ведущего антирелигиозную работу. Сокол вполне понимал фальшь этой мимикрии

старого интеллигента — когда в 1941 г. Орёл был оккупирован фашистами, Азбукин стал сотрудничать в продажной газетке «Речь» и славить третий рейх, а потом бежал вместе со своими хозяевами, доживал век в эмиграции…

После двух с лишним лет работы в «Гудке» Сокол переходит на штатную должность в большой редакции, освещавшей деятельность Союза безбожников СССР (подробнее о жизненном пути речь идёт в биографическом очерке). С той поры регулярно в железнодорожной газете он не публиковался, но вполне возможно, что эпизодически выступал на её страницах…

Книга призвана открыть ещё одну страницу в большой истории отечественной журналистики, дополнить наше представление о повседневной жизни 1920-х гг., послужить созданию более полной биографии талантливого поэта и журналиста Евгения Сокола.

Поиск такого рода должен продолжаться, много имён осталось в забвении в связи с утратами в период политических репрессий, в годы Великой Отечественной войны. В Москве, в Российском университете транспорта (бывшем МИИТе), ныне готовят профессиональных журналистов. Вот бы студентам под руководством преподавателей основательно, системно взяться за «расшифровку» других публикаций «Гудка» 1920-х гг., раскрыть массу загадочных псевдонимов авторов легендарной газеты. Со временем получился бы не только весомый набор курсовых и дипломных работ, но и, возможно, сборники публикаций тех или иных авторов довоенной газеты, биографические очерки, монографические исследования публицистического мастерства.

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Евгений Григорьевич Соколов родился в городе Болхове Орловской губернии в 1893 г. (месяц и день неизвестны, сам он в ряде документов называл 1892 г.).

Болхов — один из красивейших и богатых святынями малых городов России. Стоит на реке Нугрь при впадении в неё речек Болховки и Клечетни. Краевед Г.М. Пясецкий писал: «Он расположен между несколькими холмами, которые, постепенно возвышаясь над берегом реки, придают городу живописный вид». Хотя официальной датой основания города считается 1556 г., нет сомнений, что его история корнями уходит в куда более древний период. Вместе с Русью Болхов разделил и времена княжеских усобиц, и татарщину, и литовское разорение, но через все испытания поднялся, отразив в своей многовековой истории судьбу России.

Годы Смутного времени принесли Болхову неисчислимые бедствия, город переходил из рук в руки, а его окрестности становились ареной больших и малых сражений. Военная история Болхова закончилась во второй половине XVII века. В 1706 г. Пётр I распорядился снять с крепостных укреплений города пушки. Стены и башни кремля простояли до середины XVIII века, когда разрушительное дело завершил большой пожар.

По количеству церквей в XVII-XVIII веках Болхов превосходил все прочие соседние города. В 1681 г. даже предполагалось учредить в Болхове самостоятельную епархию, куда вошли бы Орёл, Карачев, Кромы, Мценск и Новосиль.

В своё время Болхов пользовался славой одной из кожевенных столиц России. К 1890 г. в городе проживало

26,5 тысячи жителей. Число каменных зданий приблизилось к полутысяче, деревянных было почти три тысячи. Болхов по населённости более чем в полтора раза превосходил губернские города Архангельск, Вологду и Владимир, почти в два с половиной раза — Петрозаводск, был больше Новгорода и Пскова.

С Болховом и его окрестностями связаны имена Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, декабриста Сергея Кривцова, поэта А.Н. Апухтина, участника русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. генерал-майора В.Н. Лаврова. В Болхове жил и работал писатель Н.В. Успенский, преподававший в 1868 – 1869 гг. русский язык в уездном училище.

Болховская городская дума в конце XIX века была озабочена перспективами развития города. Она ходатайствовала перед правительством о соединении Болхова со станцией Орёл «ширококолейным железным подъездным путем». В докладе губернатору местные деятели сетовали: «Весною и осенью грунтовые дороги представляются в самом ужасном виде, делаются почти непроезжими. Каждому болховскому обывателю, вероятно, приходилось не раз испытывать всю прелесть поездки в Орёл или Мценск, да и не только в сказанное время, а даже и зимой, и отчасти летом. Грязь по колесную спицу или снежные саженные ухабы и развалы — вот картина Орловско-Болховского почтового тракта… Только с проведением железнодорожной линии разовьются в Болхове торговля и промышленность; освободившись от оков застоя, наши обыватели невольно пробудятся от спячки и стряхнут свою апатию, бедный рабочий класс, и городской, и уездный, получит возможность приложить свои руки в железнодорожном хозяйстве… Словом, блага, которыми бы мог наслаждаться Болхов при осуществлении

возбужденного вопроса, настолько неисчислимы, разнообразны, велики и очевидны для всякого».

Накануне революции 1917 г. Болхов, так и оставшийся вдали от железных дорог, по образу жизни и патриархальности нравов являлся типичным провинциальным городом, что наглядно иллюстрируют стихи побывавшего здесь популярного поэта Саши Чёрного «Уездный город Болхов»:

Двадцать пять церквей пестрят со всех сторон:
Лиловые и желтые и белые в полоску.
Дева у окна скребет перстом прическу.
В небе караван тоскующих ворон.
Воняет клеем, пылью и кожей.
Стемнело. День умер. Куда бы пойти?

Поэт подметил некие технические новшества местного досуга — появление кинематографа:

А внизу за гривенник волшебный новый яд —
Серьёзная толпа застыла пред экраном:
«Карнавал в Венеции», «Любовник под диваном».

Действительно, к 1917 г. в Болхове насчитывалось 27 храмов. Имелись мужская гимназия, частные женские гимназия и прогимназия, высшее начальное, три мужских и два женских приходских училища, сельская ремесленная учебная мастерская, земская больница, богадельня, библиотека-читальня, восемь книжных лавок, типография, три фотографии, почтово-телеграфная контора. Существовали комитет общества Красного Креста, два общества помощи учащимся, профессиональное общество рабочих кожевенного производства, сельскохозяйственное общество.

В советское время социальное происхождение Сокола указывалось в обобщённом виде: «родился в семье мелкого служащего»[11], «отец — секретарь уездного съезда мировых судей»[12]. Конечно же, неискушенный читатель мог понять из этой формулировки только то, что Соколов-старший изредка (ведь нечасто собирались в уезде съезды) играл некую общественную роль, сопоставимую с миссией А.А. Фета — мирового судьи соседнего Мценского уезда.

Однако обращение к официальной информации показывает, что Соколов-старший занимал куда более заметное место в провинциальной иерархии. В год рождения сына Евгения Григорий Иванович Соколов служил секретарем уездного судебного присутствия, имел чин коллежского секретаря[13], был гласным Болховской городской думы[14]. В семье Соколовых было семеро детей, и всем отец обеспечил возможность получить хорошее образование. Так, Евгений учился во 2-й Орловской гимназии. В 17 лет поступил на сельскохозяйственные курсы в Петербурге, но вскоре охладел к будущей профессии. С началом Первой мировой войны Евгений Соколов добровольно уходит в армию.

Вольноопределяющимся с осени 1915 г. он служил в запасном пехотном полку в Пензе. Весной 1916 г. отправился на фронт, но вскоре был ранен и получил тяжёлую контузию. Летом приехал в отпуск для лечения в Болхов, несколько недель провел у родственников в селе Войново, где написал много лирических стихов. С осени 1916 г. служил в запасном полку в Орле.

[11] Венедиктов А. Е. Болховские куранты. Тула: Приок. кн. изд-во, 1982. С. 144.
[12] Соколов Г. Г. Биография Е. Г. Сокола (1974 г.) // ОГЛМТ. ОФ № 11556.
[13] Памятная книжка Орловской губернии на 1893 год. Орел: Тип. губ. правления, 1893. С. 67.
[14] Там же. С. 71.

Военные годы стали временем становления Евгения Соколова как поэта. Под «прозрачным» псевдонимом Сокол печатается не только в «Орловском вестнике», но и в газетах «Рязанская жизнь», «Чернозём» (Пенза), журналах «Полночь», «Жизнь», «Огниво», «Оса», «Ежемесячный журнал». Увы, большинство этих изданий в силу обстоятельств военного времени оказалось недолговечно и не могло стать прочной трибуной для начинающего поэта. Так, еженедельный художественно-литературный и юмористический журнал «Оса» (издатель А.С. Грузинский-Лазарев) выходил в Москве с 1909 до конца 1914 г. Журнал «Полночь» издавался в Петербурге (Петрограде), его предшественником был ежемесячник «Шансонетка», получивший новое название в связи с началом мировой войны. Редактор-издатель Е.М. Козловская-Огинская (её подпись стоит на сохранившемся билете (удостоверении) сотрудника журнала Е. Соколова, действительном по 1 января 1917 г.). Последний номер вышел в мае 1916 г. Казанский литературно-художественный и общественно-политический журнал левого направления «Жизнь» (издатели Н.А. Скворцов и Н.А. Ильин) закрылся в июле 1915 г. Журнал «Огниво» (Москва, редактор-издатель С.П. Бартен) прекратил издание в том же году. Войну и революцию пережил только «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (Петербург-Петроград, издатель В.С. Миролюбов).

Февральская революция позволила ему вырваться из солдатских рядов. На первом же заседании Орловского Совета рабочих депутатов принято решение о создании собственной газеты. В протоколе заседания вторым пунктом значилось:

«2. Об издании газеты. Постановлено: выпускать ежедневную газету под названием «Известия Совета рабочих депутатов»[15].

В состав редакционной комиссии вошли меньшевик Э. Коган и большевик И. Панёвин, ответственным секретарем и заведующим отделом местной жизни был назначен Е. Соколов (Евгений Сокол).

Революционные стихи Сокола публикуются в орловских «Известиях Совета рабочих депутатов», в уездных газетах:

Только первые залпы боёв отзвучали,
Ещё много и бурь, и борьбы.
Разве можно, чтоб сразу тебя осознали
Вековые рабы?
Много сил ещё нужно для полной победы
Над давившим издревле нас злом,
Слишком пали глубоко душой наши деды
В своём сне вековом…
И ещё одно его стихотворение:
Прошлое кошмарно. Прошлого нам стыдно.
В прошлом — кандалы, и плети, и позор.
В прошлом света солнца не было нам видно
В то, что оно было вечный нам укор.

Красные знамёна вьются над толпою,
Робость в нас сжигая яркостью своей.
Мы дождались новых искромётных дней,
Радостных, как первый мощный гром весною
Над безмолвьем сонным оживших полей.

[15] Протокол заседания Орловского Совета рабочих депутатов от 3 марта 1917 г. // Государственный архив Орловской области. Ф. Р-3396. Оп. 1. Д. 4. Л. 12.

Параллельно с работой в «Известиях…» (они прекратили выпуск в июле 1917 г.) Сокол вошёл в состав редакции ежедневной газеты «Голос народа», имевшей подзаголовок «Орган Орловской демократии»[16]. 15 февраля 1918 г. в Орле в свет вышел первый номер газеты «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов города Орла и Орловской губернии». В своих воспоминаниях Сокол писал спустя десять лет: «Это было на Сретенье, когда архиерей по предписанию патриарха Тихона шёл по Орлу с крестным ходом и служил на всех перекрестках молебны о «ниспровержении большевиков». Я помню возбуждённую толпу барынь и купечества, проходившую мимо окон губернской типографии, где мы, пять или шесть сотрудников советской газеты, сидели на кипах свежего номера и смотрели в окна на крестный ход. В редакции в каждом углу стояли наши винтовки, и на входные двери был направлен пулемёт. Мы чувствовали отношение к нам, мы видели, какие взгляды бросали люди, проходившие в архиерейской толпе, на наши окна, мы видели, как давали подзатыльники люди в бобрах[17] и в офицерских погонах мальчишкам, продававшим нашу газету»[18].

Как сам он указывал в одной из анкет начала 1920-х гг., «после Октябрьского переворота печатался в “Орловских известиях”, “Известиях ВЦИК”, в журналах “Творчество” (Москва), “Пламя” (Петроград) и во всех орловских изданиях»[19]. В архивном фонде Е. Сокола в музее И.С. Турге-

[16] Здесь в 1917 г. были опубликованы его статьи, рассказы «Звоны покаянные» (май), «Лето» (июнь), литературоведческие работы «Язычество Кольцова» и «Две любви Кольцова» (19 октября), «Трагедии (Памяти Фета)», «Стихи о странном сердце» (декабрь). Сокол в этой газете подписывался также Е.С., Sigma.

[17] Пальто состоятельных людей, шинели чиновников высокого ранга с бобровыми воротниками.

[18] Сокол Е. Винтовка и перо // Орловская правда, 1928, 5 мая.

[19] ОГЛМТ. ОФ № 11504.

нева среди десятков различных удостоверений и мандатов имеется мандат о том, что Сокол с 1 апреля 1918 г. был членом следственной комиссии по делу епархиального съезда. Предыстория появления столь экзотического силового органа такова. 14 марта 1918 г. в Орле должен был открыться епархиальный съезд духовенства и мирян. За пять дней до съезда консисторией было отправлено заявление губернскому комиссару о разрешении, но до самого последнего момента ответа не было. К 12 часам в здании Петропавловского братства собралось около 50 членов съезда. В начале 2-го часа дня в помещение Братства прибыл товарищ председателя исполнительного комитета Совета Аронов с отрядом вооруженных матросов. Все собравшиеся были задержаны и подвергнуты обыску. После обыска был произведен арест видных церковных деятелей. Были арестованы несколько протоиереев (в том числе отец будущего авиаконструктора Н. Поликарпов) и священников, редактор «Орловских епархиальных ведомостей», староста орловской Иверской церкви. Арестованные, пробыв неделю в тюрьме, были освобождены 21 марта с подпиской о невыезде.

Евгений Сокол призывал орловских читателей:

Побольше бодрости и песен!
Поменьше скорби и сомнений!
Стряхнём с себя и пыль, и плесень
И затхлость сотен поколений.

Горите пламенней пожары!
Горите яркими огнями!
Сожжём с собою всё, что старо,
Всё, что не искрится, как пламя!

А вот строки из его поэмы «Русь»:

Снова верится в бурность и в силы,
В то, что Русь не лишай,
Не гнилое болото,
Не гнилой, заражённый туман,
Что она оживёт,
Что придёт ещё что-то…
А потом и растопится лёд,
И наступит весна,
И луга станут ярким ковром,
И журчливой речная волна,
И рокочуще-ласковым гром.
— Эй, вставай!
Мы зовём.
— Зажигай!
Зажигай обновлённое пламя.
Через обломки и дым,
Через бури и гром,
Приходи к лучезарным победам!
Эй, вставай!
Знай:
Конец твоим мукам и бедам!
Нет царя и раба —
Каждый сам себе царь.
И не так будет, как встарь;
Что рабочим приют был изба
Вся в щелях, вся в дырах,
А богач жил привольно в дворце…
Мы ревели, мы звали.
И голодные люди вставали,
Выходили,
И толпами за нами поплыли
По бурливым и тёмным полям.

Шли к дворцам,
Шли к церквам
И ломились в закрытые двери,
Твёрдо веря
В победу и волю.
Мы ломали запоры,
Мы сметали в пути своём горы,
И с церквей золотые кресты
С диким хохотом в злобе срывали.

Мы мстили
Всем, кто нас угнетали,
Что нас в тюрьмах томили,
Кто, пируя, голодных нас гнал.
Кто в Сибирь нас ссылал за мечту и свободу,
Кто под пули идти заставлял
На народы — народы.

Слушай: новое время настало.
Нет раба. Нет царя.
Занялася заря.
Нет тюрьмы. Нет оков.
Нас не давят церковные своды.
Мы рассеяли ужас удушливых снов.
И другие народы
За собою к свободе зовём,
И над миром, над дряхлым и скучным,
С гимном радостным, мощным и звучным
Наше красное знамя несём.
Мы — весны благодатной предтечи.
Первый радостный гром,
В мире первые речи
О свободе, не сдавленной кем-то петлёй,

Не пронзённой штыком.
Русь моя, мы разбудим рабов,
Русь, мы свергнем царей и рабов!
Мы — набат над землёю…

Сокол вспоминал: «Из профессиональных журналистов в «Известиях…» работал только я один, причём в то же время являлся членом губисполкома, членом следственной комиссии губисполкома, а позже — членом военно-революционного полевого штаба. Ясно, сколько часов в день приходилось работать, и ясно само собой, что газете мы могли уделять только ночные часы после бурных тогда заседаний. Технических сотрудников, мало-мальски опытных в газетном деле, не было никого… Всю губисполкомовскую хронику, все отчеты о заседаниях губисполкома и Совета писал я сам после 12 часов ночи прямо в типографии, отдавая в набор страничку за страничкой по мере их написания… Перо и винтовка тогда были неотделимы, и, работая ночью за редакционным столом, мы ставили свои винтовки так, чтобы их можно было схватить, не вставая со стула, в дни обострений вроде «сухоносовского восстания»[20] мы совсем откладывали в сторону перо и с винтовками шли в ряды советских отрядов»[21].

Поэтический дар и журналистская хватка Евгения Сокола были замечены орловским «красным губернатором» Б. М. Волиным. В Орёл Волин приехал летом 1918 г. После подавления ливенского мятежа «Орловские известия» 22 августа вышли в траурном оформлении, с аншлагом: «Сыны трудового народа — русские, латыши, венгры, австрийцы, немцы — пошли без страха на доблестную смерть!». Здесь были опубликованы передовая статья

[20] И.П. Сухоносов, бывший «верховный начальник» Орловского гарнизона, возглавил мятеж против советской власти 17 марта 1918 г.
[21] Сокол Е. Винтовка и перо // Орловская правда, 1928, 5 мая.

Волина «Гнойник контрреволюции», статья Алексея Александрова «О чём говорит ливенский бунт», фельетон Сокола «Общественное мнение» и его же стихотворение «Шапки долой!»:

Эй, беднота!
Слушай, как трубы плачут!
Что это значит —
Эй, беднота?

Видишь — несут гробы…
Видишь — толпы народа…
Беднота — это жертвы борьбы
За твою свободу.
Шапки долой!
Выше знамена!
Пусть над толпой
И над немыми гробами
К небу вздымается Красное Знамя —
Как взрыв огневой…
Беднота, шапки долой!

Вечная память героям
Борьбы святой!
Живые! Сомкнутым строем —
В последний бой!

Не без настойчивого участия Волина газета «Коммунист», при тираже 4500 экз. испытывавшая дефицит бумаги, уже в сентябре 1918 г. была соединена с «Орловскими известиями». Сокол вспоминал о разительной перемене: «Работать было тяжело (до объединения с «Коммунистом». — А.К.). Многие советские работники

считали газету чуть ли не своей собственностью и страшно обижались, если газета отказывалась хвалить или осуждала их неудовлетворительную работу. Только выйдет в свет номер газеты с фельетоном или критической статьей, в которых упоминается фамилия какого-либо зарвавшегося чиновника, как я уже сам брал папку и отправлялся в губисполком или губком для объяснения»[22].

В конце января 1919 г. воронежский литературный журнал «Сирена» опубликовал «Декларацию» Ордена имажинистов. В ней в виде манифеста утверждались основные правила и концепции нового учения, заявляющие о том, что образы занимают ключевое значение в структуре любого художественного произведения, и в искусстве только с помощью образов и их особенной ритмики можно в полной мере выявить жизнь во всех её проявлениях.

Удивительное совпадение — спустя несколько месяцев в Орле, в 1-й типографии губсовнархоза, была напечатана «Декларация российских поэтов-экстрактивистов» (на титульном листе был указан издатель — Центральный комитет российских экстрактивистов, Киев, 1919).

Инициаторами создания нового течения в поэзии были Е. Сокол, В. Буречарский, А. Тиняков. Идейным вдохновителем был, без всякого сомнения, Виончелий Буречарский (его имя значится на обложке брошюры, хотя та содержит ряд материалов также и других авторов). О его личности (настоящая фамилия — Жихович) известно крайне мало. Так, в 1918 г. он редактировал газету «Народное эхо» — литературное приложение к «Известиям Пятигорского Совета», был редактором информационного и фельетонно-беллетристического отдела газеты «Известия Совета народных комиссаров Ставропольской губернии», в Ставрополе вышла его книга «То, что через: новые стихи».

[22] Сокол Е. Винтовка и перо // Орловская правда, 1928, 5 мая.

В то время Буречарский перебрался в Орёл — уже осенью 1918 г. он член редакционной коллегии и активный автор издания Совета депутатов города и городского центрального совета профсоюзов «Еженедельник Орловской Городской Коммуны», журнала «Коммуна». Занимал ряд видных должностей в советской иерархии Орла.

Ещё одно «действующее лицо» союза экстрактивистов — Александр Иванович Тиняков (1886 — 1934), орловский уроженец, поэт. Своими рецензиями стихи Тинякова удостоили В. Брюсов, К. Бальмонт, И. Бунин. Был знаком с В. Ходасевичем, А. Блоком, А. Ремизовым и многими другими прозаиками и поэтами. После революции Тиняков некоторое время снова жил в Орле (1918 — 1919 гг.), работая в местных газетах.

Манифест нового литературного течения содержал целый ряд позиций:

«Экстрактивизм, поднявший знамя восстания поэзии, вовсе не имеет своим объектом только поэзию: он предполагает восстание во всех областях культуры — в науке и в искусстве полностью!

Если мы останавливаемся сейчас преимущественно на поэзии, то это только потому, что нам случайно ближе других эта многострунная часть искусства.

Мы нисколько не сомневаемся, что идея экстрактивизма, выдвинутая самой жизнью и только подмеченная и определённая нами, победит и совершенно уничтожит все другие «течения» и «новые пути» и в музыке, и в живописи, и в постановке театрального дела!

Это предрешено самой природой экстрактивизма.

Главной своей задачей экстрактивизм ставит очищение нового творчества от всякого мусора и хлама, которые благодаря своеобразной системе построения буржуазного общества сгрудились всюду и везде в виде преград на пути

к новой жизни, и путём экстрактизации нового творчества выделять и определять всё новые и новые культурные ценности, при помощи свойства красоты быть бесконечно оригинальной при условии движения.

Если лучшим средством борьбы с «законным злом», с хламом и мусором в культурном творчестве является коренной пересмотр всех ценностей в жизни и точное определение нового творчества, то привести в движение оригинальность красоты можно только через наше Сегодня и Завтра, через экстракт сегодняшнего дня — иначе рутина и косность Вчера, утвержденное тысячелетиями, воспользуется ленью человеческой мысли как орудием тормоза и реставрации!»[23]

Изначально объясняя название основанной им эстетической школы, Буречарский говорил, что производит его «от слова “экстракт” — всё существо полностью, но в таком виде, “в каком оно наиболее является благоприятным”»[24].

В 1919 г. одна за другой выходят в свет книги Сокола: уже упомянутая «Русь», «Красные набаты». «Поэма о революции». В последней были такие слова:

И нового кубок вина
Подносит воскресшим свобода.
Свобода!
Рождённое тьмой
И рабством постыдным народа —
Всё это уж там, за кормой.
В грядущем — свобода… Свобода!
И радостно пенятся воды,
И радостно грозен прибой,

[23] Декларация Российских экстрактивистов поэтов. (Авт.: Буречарский В.). Киев: Центр. ком. Рос. экстрактивистов, 1919. С. 8.
[24] Там же. С. 9.

И радостен бой.
С позорным наследьем былого
Во имя великого слова,
Проникшего в сердце народа:
— Свобода…

Волин не только охотно предоставляет поэту-журналисту возможность печататься, но и активно продвигает его в руководящие органы. 24 мая 1919 г. состоялось совещание местных газетчиков, на котором было решено создать в Орле Союз Советских журналистов и редакционную коллегию, состоящую исключительно из журналистов-коммунистов (в её состав вошёл и Сокол). Он посвящал стихи коллегам-журналистам. Сергею Зобкову:

За победой — новая победа.
Я ликую в шелесте знамён.
Путь, которого боялись деды,
Уж почти что нами перейдён.

Поэту и журналисту Виончелию Буречарскому:

Пока народ и тих, и кроток,
Кто встанет за него?
Кто закричит мильоном глоток
О святости его?
Лишь будут петь одни поэты,
Но сможет что поэт?
Одни безумные обеты
И славословные сонеты
Из мёртвости газет…

Уже в июне половина членов союза получила редакторские посты, однако Сокола среди редакторов не было… Возможно, на «обойдённость» должностью не стоило обращать внимания, но она стала некоей переломной вехой в журналистской карьере Евгения Сокола. В середине 1919 г. его всё-таки назначили на должность заместителя заведующего губернским агентством «Центропечати»[25]. Однако после кратковременной оккупации Орла белогвардейскими частями и последовавшего освобождения города Евгений Сокол уже не был вхож на капитанский мостик большевистской прессы в Орле, хотя весной 1920 г. весьма интенсивно работал в «Известиях…». Приведём краткий список его публикаций в те дни: «Удар в спину» (13 мая), «Наши союзники», «Что нами сделано 1-го Мая» (16 мая), «На фронте», «Это уже было», «День Всевобуча», «Красные орлы» (18 мая), «Пусть придут», «День Всевобуча» (22 мая), «Пламя повернули», «т. Калинин в горсовете» (23 мая), «С нами — рабочие» (25 мая), «Красный призрак» (27 мая), стихотворения «На страже», «Зоркое знамя», «Съезд пролетарских писателей» (30 мая), стихотворения из книги «Прекрасное далёко» (6 июня).

Что послужило причиной охлаждения новой власти к энергичному поэту и журналисту? Открылась правда о социальном происхождении трибуна революции? Он сам решил оставить журналистику ради поэзии? Или причиной всему был отъезд Волина из Орла? Возможно, где-то в недрах губкомовского делопроизводства той поры есть точное объяснение данному странному повороту событий. Но факт остается фактом: отныне Сокол не входил в состав редколлегий, правления Союза журналистов и т.д.

[25] ОГЛМТ. ОФ № 11519.

Это тем более странно, что в губернии явно не хватало профессиональных газетчиков. Например, губком РКП(б) осенью 1921 г. отозвал из окружной военной газеты ее секретаря Т. М. Левина и направил его в партийное издание. Тогда же в Орловской губернии была проведена регистрация всех работников печати[26]. Более того, в циркуляре ЦК РКП(б) о периодической печати от 20 февраля 1922 г. подчеркивалось: «Считаясь с тем, что кадры журналистов-коммунистов крайне ограниченны и что без партийных газетных специалистов партийно-советская печать удовлетворительно поставлена быть не может, Центральный Комитет указывает на необходимость перевода на газетную работу возможно большего количества всех взятых на учет журналистов. Мобилизацию журналистов, хотя бы временную, на негазетную работу ЦК считает крайне нецелесообразной, ибо газета требует систематической, беспрерывной, планомерной работы»[27]. В докладе XI Орловскому губернскому съезду Советов о деятельности губернского экономического совещания (1922 г.) отмечалось: «Общее положение губернского органа печати до самого последнего времени было крайне неудовлетворительно. Прежде всего, в отношении материальном, а затем в отношении обеспечения работниками... Попытки привлечения квалифицированных газетных работников из центра (Москва, Харьков) не имели успеха»[28].

Итак, газетчиков в Орел отзывали с военной службы, приглашали из других городов, но Сокол оставался вне

[26] Доклад врио редактора газеты «Орловская правда» Левина Агитпропагу Орловского губкома РКП(б) «О положении местной периодической печати», 25 мая 1923 г. // ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 903. Л. 71.

[27] О периодической печати. Циркуляр ЦК ВКП(б) // В. И. Ленин, КПСС о печати. Сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1974. С. 62.

[28] Доклад XI Орловскому губернскому съезду Советов рабочих, красноармейских и крестьянских депутатов о деятельности губернского экономического совещания. Орел: Изд-во Орловского губэкосо, 1922. С. 187.

печати. Косвенным подтверждением невостребованности Сокола новым социумом служат литературно-критические этюды орловского общественного деятеля и критика С. И. Горового, опубликованные в сборнике «Зеленый шум» (Орел, 1922). В статье «Современные орловские пролетарские писатели», являющейся изложением лекции, прочитанной в гарнизонном Доме культуры 11 июня 1920 г., отмечалось: «Тт. Селихов, Лукашин, Захаркин, Шевляков — вот кто входит в эту группу. Все они — подлинные пролетарии и по своему происхождению, и по складу своих понятий»[29]. Как видим, недавнему певцу революции Соколу места в плеяде пролетарских литераторов не нашлось. Зато о нем Горовой рассказывает в статье «Орловские поэты», где речь идет только о двух земляках — Иосифе Каллиникове и Евгении Соколе. Статья представляет собой изложение лекции, прочитанной в гимназии Гиттерман 20 января 1918 г., соответственно, рассматриваются лишь стихи Сокола из книги «Триолеты и мадригалы» (Орел, 1917). Горовой пишет: «Сокол допускает несуществующие на русском языке слова и формы — “незабывчивый”, “предбудь”, а порою употребляет формы, напоминающие собою речь иностранца — вероятно, в погоне за размером и рифмой. Грубовато выражение “убивая обидным хлыстом нашу тихую нежность”. В общем же стихотворения Сокола, несомненно, талантливы, богаты фантазией и уносят с собой в царство мечты и грезы. Любовь — господствующая тема его стихов. Поэт чувствует ее тонко, изысканно, несколько, пожалуй, жеманно — во вкусе средневековых трубадуров и напудренных маркиз XVIII века»[30].

[29] Горовой С. И. Современные орловские пролетарские писатели // Зеленый шум: Сб. произведений поэтов и писателей Орловской губернии. Орел: Орловское отделение гос. изд-ва, 1922. С. 124.
[30] Горовой С. И. Орловские поэты // Зеленый шум. С. 122.

Характерно, что эти слова были не только произнесены в январе 1918 г., но и повторены в 1922 г. в губернском литературном альманахе, никаких иных оценок творчеству Сокола здесь дано не было. Ещё долго подобная слава о виднейшем поэте революции сохранялась в Орле. Даже уехавший отсюда в 1934 г. один из организаторов группы пролетарских писателей «Ярь» Михаил Киреев размашисто и патетически вспоминал в 1966 г.: «На смену авторам «мадригалов» и «триолетов» (намёк на Евгения Сокола. — А.К.), на смену тем, кто «творил» что-то гуманно-эпическое, не чувствуя гула времени, не замечая революционных перемен, шли новые силы, шли те, кого Великая Революция подняла из самых низов. Они полны были новых жизненных впечатлений, старались рассказывать, как переменилась жизнь. Это были люди бескорыстные, с чистой совестью»[31].

В одном из писем его брата Г.Г. Соколова возникшая невостребованность недавнего глашатая революции в большевистской печати объясняется, по сути, тем, что Евгений Сокол был занят на других ключевых постах провинциальной иерархии: «С 1920 года возглавлял губернское правление профсоюза работников искусств, в 1922—1923 гг. — заведующий губернским архивом»[32]. Однако обращение к архивным источникам показывает, что занимаемые Соколом в то время должности вряд ли могли служить причиной его неучастия в партийной журналистике. Так, в удостоверении губернского отдела Всероссийского профсоюза работников искусств, датированном 7 февраля 1920 г., перечислены должности Сокола: член правления; товарищ председателя; заведующий культурно-просветительским отделом Орловского губотдела»[33].

[31] ОГЛМТ. Ф. 28. ОФ № 4583.
[32] ОГЛМТ. ОФ № 11556. Л. 4.
[33] ОГЛМТ. ОФ № 11517.

А уже 10 июля 1920 г. президиум данного профсоюза «командировал» Сокола в губернский отдел народного образования для заведования театральной секцией внешкольного подотдела[34].

Заведывание секцией в некоем подотделе… Работа явно не соответствовала размаху идей и энергии поэта-журналиста. Получив в придачу символические посты ученого секретаря коллегии губернского отдела народного образования и секретаря «Известий губздравотдела» (вышел в свет всего один выпуск журнала), он по примеру коллег-журналистов пытается провести перепись в губернии всех «литературных работников», самостоятельно разрабатывает для этого пространную анкету и заполняет первый экземпляр. Очевидно, что инициированная Соколом под эгидой Литсекции художественного подотдела Губполитпросвета перепись была прелюдией к подготовке губернского съезда писателей.

Заполненная им анкета сохранилась в музее[35]. Не акцентируя внимания на формальных графах, обратим внимание лишь на некоторые. Строка «Где печатается теперь». Ответ: «нигде». Пояснение: «за отсутствием изданий число литературного характера».

Строка «Наиболее близок (на выбор: акмеизм, пролеткульт, имажинизм, импрессионизм)». Сокол вписывает: «символизм». Указывает, что состоит в московских кружках «Звено», «Литературный особняк», член Всероссийского союза поэтов (примечательно, что в архиве сохранился ряд документов, свидетельствующих о поездках Сокола в Москву в первые послереволюционные годы с целью «выбить средства», «получить одежду», «доставить архивные документы» и т. д. Вероятно, во время

[34] ОГЛМТ. ОФ № 11528.
[35] ОГЛМТ. ОФ № 11504.

таких поездок и происходили встречи с Есениным). Строка «Взгляд на современную литературу». Ответ: «современный литературный упадок ликвидируется нескоро, когда начнется строительство».

В то время Сокол был «членом-посетителем» Тургеневского литературного общества[36], а в членской книжке Всероссийского профсоюза работников искусств в графе «специальность» написал: «поэзия, истор<ия> лит<ературы>»[37]. Он выступает с инициативой создать в Орле музей революции (вариант: музей печати революции). Так, в личной карточке участника одного из губернских съездов 2 марта 1921 г. в графе «должность» Сокол написал: «организация музея революционной печати»[38]. В записке заведующему губернским музеем П. С. Ткачевскому ставит вопрос максимально остро: «Все, что издано было в Орле до прихода белых, погибло бесследно, и не только листовок, плакатов, воззваний, нигде нет даже комплекта газет, без которых составление революционной истории Орла почти невозможно. Об уездных городах и говорить не приходится. Все это указывает на недостаточно хорошую организацию музейного дела в Орле, и учреждение специального музея революции в губернском масштабе заставляет выдвинуть в первую очередь»[39].

1 октября 1921 г. Губполитпросвет назначает Сокола заведовать организуемым музеем имени Октябрьской революции[40]. В январе следующего года Сокол входит в состав комиссии по ревизии губернских музея и архива[41]. По всей

[36] ОГЛМТ. ОФ № 11518.
[37] ОГЛМТ. ОФ № 11403.
[38] ОГЛМТ. ОФ № 11505.
[39] Цит. по: Гольцова А. В. «И быль, и легенды» (Евгений Сокол и Сергей Есенин)//Болховские были: Историко-литературный альманах. Орел: Вешние воды, 1994. С. 98.
[40] ОГЛМТ. ОФ № 11523.
[41] ОГЛМТ. ОФ № 11515.

видимости, комиссия посчитала прежнюю работу музейщиков и архивистов недостаточно успешной: сохранилась выписка из протокола заседания губернского отдела народного образования от 1 февраля 1922 г. с поручением Соколу организовать в Орле музей Октябрьской революции[42]. Вскоре он был назначен заведовать губернским архивным бюро.

Однако попытки поэта развить кипучую деятельность на музейной или архивной ниве неожиданно прервались. В июне 1923 г.президиум губисполкома принял решение об увольнении Сокола с занимаемой должности «ввиду несоответствия»[43]. Более того, в отчёте губархивбюроо работе за 1923 г. сообщалось о том, что новому составу бюро достался «акт о предании суду бывш <их> заведующих тов. тов. Комягинского и Сокола»[44].

Так, не осуществив ни одного из своих замыслов (музей, съезд литераторов и др.), Сокол, по-видимому, всё же избежавший судебного преследования, вынужден был навсегда покинуть родной Орёл и уехать в Москву.

В его официальных биографиях[45] московский период обычно описывается схематично: «приехал в столицу в 1923 году, был секретарём Всероссийского союза поэтов, работал в журнале “Безбожник”, там же в 1928 году вышла книга рассказов “По стопам отцов”, занимался переводами».

Ещё в первые революционные годы Сокол познакомился в Орле с З. Н. Райх, женой С. А. Есенина. По всей

[42] ОГЛМТ. ОФ № 11406.

[43] Протоколы заседаний Орловского губисполкома за 1923 г. // ГАОО.Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 482. Л. 142.

[44] ГАОО. Ф. Р-1306. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

[45] Писатели Орловского края: Биобиблиографич. словарь/ Под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевелевой. Орел: Приокское кн. изд-во, 1981. С. 364; Венедиктов А. Е. Болховские куранты. С. 147; Катанов В. М. Сокол Евгений Григорьевич//Орёл литературный: Ежегодник Орловской областной организации Союза писателей России/ Гл. ред. А. И. Кондратенко. Вып. 6—7. Орел: Вешние воды, 2010. С. 79.

вероятности, именно она познакомила Сокола с Есениным. Они стали друзьями, знали и ценили творчество друг друга. О дружбе Есенина с Соколом свидетельствуют дарственные надписи рязанского поэта на книге «Сельский часослов» (1918): «Евгению Соколу Любящий С. Есенин. 1919»[46]; на сборнике «Явь» (1919): «Евгению Соколу / Дружески Сергей Есенин. 28 сент. 1920» [VII (1), 109]; на книгах «Преображение» (1921): «Соколу Евгению с любовью С. Есенин. 1921» [VII (1), 171] и «Пугачев» (1922): «Терпи Сокол, Свобода — о кол! С. Есенин. 1922» [VII (1), 208].

Сокол неоднократно встречался с Есениным после его возвращения из зарубежной поездки с А. Дункан в Европу и Америку. В одну из встреч на листе блокнота Есенин записал для Сокола несколько строк из стихотворения «Мне осталась одна забава…», сопроводив их надписью: «Е. Соколу с любовью и верой. С. Есенин» [VII (1), 221]. В 1924 г. Есенин написал: «За все, что минуло, — / Целую в губы / Сокола милого»[47].На книге «Ключи Марии» поэт оставил надпись: «Сокол, милый, люблю Русь, прости, но в этом я шовинист. С. Е.»[48].

На книге «Радуница» дает совет: «Тех, кто ругает, всыпь им. Милый Сокол, давай навеки за Русь выпьем» [VII (1), 225]. При встрече 4 февраля 1924 г. на книге «Голубень»

46 Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 92. Далее этот том цитируется с указанием в квадратных скобках страниц, номер тома указывается римскими цифрами.

47 Есенин С. А.Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 4 / Сост., подгот. текстов и коммент. С. П. Кошечкин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1996. с. 256.

48 Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 1 / Сост., подгот. текстов и коммент. А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, Т. К. Савченко, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Н. Г. Юсов. М.: Наука; Голос. 1999. С. 324.

Есенин написал: «Милому Соколу, ростом не высокому, но с большой душой русской и все прочее» [VII (1), 228], а на отдельном листке весной того же года оставил автограф: «Милому Соколу с любовью русской, Великоросской обязательно. С. Есенин» [VII (1), 233].

Поэты встречались в Москве в клубе Дома Герцена на Тверском бульваре, где Сокол работал секретарем Литературной студии при Всероссийском союзе поэтов.

В ноябре 1925 г. Сокол и Есенин были заявлены для участия в литературном вечере «Поэзия наших дней», проводившемся Всероссийским союзом поэтов в Политехническом музее. Перед последней поездкой Есенина в Ленинград Сокол писал 23 декабря 1925 г.: «Дорогой Сергей! Очень прошу тебя выступить на вечере, устраиваемом нашими курсами»[49] (речь идёт о литературных курсах Всероссийского союза поэтов). В сборнике «Памяти Есенина» (М., 1926) Сокол опубликовал мемуары «Одна ночь»[50].

Документы из фонда Сокола в музее И.С. Тургенева позволяют установить ряд московских адресов поэта. На одном из предназначавшихся ему пригласительных билетов (январь 1926 г.) указан адрес: ул. Кропоткина, Дурнов пер., д. 10/15[51]. Более конкретную информацию даёт сохранившийся конверт со штемпелем «27 марта 1926 г.»: Дурнов пер., 10/15, кв. 1, комн. 25[52]. Выходит, что приехавший из Орла 33-летний поэт жил в Москве в коммунальной квартире на 25 (!) хозяев. А Есенин со второй половины

[49] Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой; Сост. С.П. Митрофановой-Есениной и Т.П. Флор-Есениной; коммент. С.П. Митрофановой-Есениной, С.И. Субботина др.; подгот. текстов и указатель имен С.И. Субботина. М.: Республика, 1995. С. 302.

[50] Сокол Евгений. Одна ночь (из воспоминаний о С. Есенине) // Памяти Есенина. М.: Всероссийский союз поэтов, 1926. С. 59—72.

[51] ОГЛМТ. ОФ № 11411.

[52] ОГЛМТ. ОФ № 11388.

1925 г. жил совсем рядом, в Померанцевом переулке в квартире С. А. Толстой. Он часто встречался с Соколом, однажды увидел у него на квартире в Дурнове переулке «Словарь рифм». Есенин не только читал его, но и вносил в словарь свои слова, потом записал шуточное четверостишие: «Я и сам когда-то Сокол / Лоб над рифмами раскокал. / Нет алмазов среди стекол. / Не ищи вокруг да около»[53]. В конце книги кто-то из знакомых Сокола оставил запись: «Учитесь, братья, у Маяковского», на что Есенин с озорством приписал: «Ну уж х…!»[54].

Судя по документам 1932—1934 гг., Сокол жил на Новинском бульваре, д. 21, кв. 18[55]. В этой квартире у него часто собирались литераторы. По традиции все гости Сокола заполняли альбом автографов. Записывали свои стихи, эпиграммы, экспромты, дружеские пожелания в адрес хозяина дома. В фондах музея И.С. Тургенева хранятся три таких альбома, где есть подписи Андрея Белого, Д.Д. Благого, композитора И.Ф. Стравинского, многих других выдающихся людей.

Весьма разнообразнее официально известного реальный перечень мест работы Сокола в Москве. Сохранилось, например, удостоверение от 29 сентября 1925 г. — секретаря литературно-педагогического совета и лектора Литкурсов Всероссийского Союза поэтов[56], аналогичное удостоверение от 11 января 1926 г.[57] Согласно удостове-

[53] Есенин С. А. Полн. собр. соч.: В 7 т. (9 кн.) / Ин-т мировой лит. РАН / Гл. ред. Ю. Л. Прокушев. Т. 7. Кн. 2 / Сост., подгот. текстов и коммент. В. А. Дроздков, А. Н. Захаров, С. П. Кошечкин, С. С. Куняев, Ю. А. Паркаев, Т.К. Савченко, Е. А. Самоделова, М. В. Скороходов, С. И. Субботин, Л.М. Шалагинова, Н.И. Шубникова-Гусева, Н. Г. Юсов, Ю. Б. Юшкин. М.: Наука; Голос. 2000. С. 15.

[54] Официальный сайт Государственного музея-заповедника С. А. Есенина. http://www.museum-esenin.ru/home/1772 Электронный ресурс. Дата обращения 16.04.2021.

[55] ОГЛМТ. ОФ № 11415.

[56] ОГЛМТ. ОФ № 11503.

[57] ОГЛМТ. ОФ № 11464.

рению № 228 от 9 февраля 1926 г. Сокол — ответственный секретарь Всероссийского союза поэтов[58].

Примерно тогда же он занялся составлением сборника материалов о Есенине, чему есть документальное свидетельство. Приводим текст удостоверения:

«Союз поэтов
Правление
6 января 1926 года
№10
Удостоверение
Предъявитель сего член ВСП Е. Г. Сокол уполномочен Правлением названного Союза на собирание материалов для сборника памяти Сергея Есенина, издаваемого Союзом под редакцией Олега Леонидова, Евгения Сокола и профессора Б. М. Зубакина.
Председатель ВСП Олег Леонидов <за него>
Управляющий делами Кашкина
<печать>»[59].

В 1926 — 1928 гг. Сокол работал в редакции газеты «Гудок», затем перешёл в редакцию, освещавшую деятельность Союза безбожников СССР. Сохранились удостоверения: литсотрудника газеты и журнала «Безбожник»[60] (24 октября 1928 г.), секретаря редакции бюллетеня пресс-бюро Центрального совета Союза безбожников СССР[61] (18 апреля 1929 г.), сотрудника редакции журнала «Безбожник» по судебному отделу[62] (20 мая 1929 г.).

В одном из писем в музей И. С. Тургенева брат Г. Г. Соколов вспоминал о том, что в последние годы жизни Сокол

[58] ОГЛМТ. ОФ № 11408.
[59] ОГЛМТ. ОФ № 11535.
[60] ОГЛМТ. ОФ № 11465.
[61] ОГЛМТ. ОФ № 11529.
[62] ОГЛМТ. ОФ № 11502.

занимался «переводами с белорусского, немецкого (И. Бехера), переводами кавказских поэтов — Р. Нурова (три стихотворения в сборнике 1936 года), много писал для изданий МОПР»[63]. На самом деле Сокол в то время занимался не только переводами и статьями для мопровских изданий. Например, с 24 июля 1931 по 22 апреля 1932 г. работал в объединённом научно-техническом издательстве[64], затем был заведующим организационно-массовой секцией в издательстве наглядных пособий[65], сотрудником журнала «Коммунальное хозяйство»[66]. В 1933 г. издал серию брошюр по вопросам коммунального хозяйства (шесть книжечек объёмом от 26 до 40 страниц каждая)[67]. С апреля 1934 г. — корреспондент профсоюзного журнала «Рабочий городского хозяйства»[68].

Столь же неровно, пунктирно выстраивалась в то время его писательская биография. Как уже упоминалось, Сокол был членом Всероссийского союза поэтов, а также действительным членом коллектива поэтов и критиков «Литературный особняк» (удостоверение от 15 января 1924 г.)[69],

[63] ОГЛМТ. ОФ № 11556.
[64] ОГЛМТ. ОФ № 11493.
[65] ОГЛМТ. ОФ № 11495.
[66] ОГЛМТ. ОФ № 11407.
[67] Механизация прачечного дела: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 1 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 28 с.; Банное хозяйство и строительство: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 2 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 26 с.; Производство и монтаж водопроводных и канализационных труб: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 3 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 40 с.; Новые достижения водопроводной техники: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 4 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 34 с.; Новые методы мощения улиц: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 5 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 39 с.; Новые достижения канализационной техники: Пояснит. брошюра к серии диапозитивов № 6 / Сост. Е. Сокол / Нар. ком. коммун. хоз-ва РСФСР. М.: Всекохудожник, 1933. 27 с.
[68] ОГЛМТ. ОФ № 11532.
[69] ОГЛМТ. ОФ № 11507.

активистом клуба Федерации объединений советских писателей[70]. Сохранился авторский экземпляр соглашения с Узбекским государственным издательством на составление в 1932 г. (видимо, к 15-летию Октябрьской революции и 10-летию образования СССР) антологии революционной поэзии: перевести прозой 3000 строк с оплатой 20 копеек за строку, а также провести составительскую работу и подготовить комментарий. Общая сумма договора составила 1040 рублей. Все условия соглашения Сокол выполнил[71]. Имеется справка Московского горкома писателей: в июне, августе, сентябре, ноябре и декабре 1933 г. Сокол заработка не имел, в октябре заработал 200 рублей. Справка была дана судебному исполнителю Краснопресненского района Москвы, аналогичная — в домоуправление[72]. По всей видимости, таким образом поэт отбивался от всевозможных долгов.

Сохранилось датированное 1932 г. письмо с требованием издательства МОПРа вернуть аванс[73]. В то время Сокол лечился в ночном туберкулезном санатории[74], дежурил литературным консультантом в редакции «Комсомольской правды» — один раз в месяц с трёх часов до семи вечера[75] (1932 г.). Весьма красноречив пропуск в столовую Союза советских писателей[76] (январь 1934 г.). Пропуск обрамлён купонами на каждый день — по сути дела, это была часть карточного довольствия, спасшего недомогавшего писателя от голодной смерти.

Волна репрессий не сразу, но все же накрыла и Евгения Сокола. Племянник поэта Ю.Н. Соколов писал орловскому

[70] ОГЛМТ. ОФ № 11418.
[71] ОГЛМТ. ОФ № 11533.
[72] ОГЛМТ. ОФ № 11500, 11531.
[73] ОГЛМТ. ОФ № 11494.
[74] ОГЛМТ. ОФ № 11499.
[75] ОГЛМТ. ОФ № 11497.
[76] ОГЛМТ. ОФ № 11404.

библиофилу А.С. Захарову: «Теперь о последних годах Евгения Сокола. Он себя плохо чувствовал, ведь у него был туберкулёз легких, да и нога болела. Последний раз я помню его во время похорон моего дедушки (отца матери) на Преображенском кладбище — он был с палкой. В конце 1938 года он был арестован и в 1939 году умер в тюрьме»[77].

В архиве сохранилась точная дата ареста Сокола — 17 октября 1938 г. Он был арестован 9-м отделением управления госбезопасности УНКВД по Московской области по обвинению в участии в контрреволюционной организации (статья 58, пункты 10 — 11)[78].

В архивном фонде Орловского объединенного государственного литературного музея И. С. Тургенева хранится фотокопия справки военного трибунала Московского военного округа, датированная 9 декабря 1939 г., о том, что дело в отношении Сокола прекращено за недоказанностью обвинения[79].

Трагический сложилась и судьба брата поэта Нила Григорьевича Соколова (1894 – 1942) – краеведа, общественного деятеля, библиографа. Он учился в Болховском городском училище, в гимназии в Орле. В 1913 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета. Здесь получил возможность для осуществления гимназического замысла – глубоко изучить западноевропейскую поэзию. Начал составлять картотеку иностранной поэзии в переводах на русский язык – работа над ней продолжалась более четверти века (около 30 тысяч карточек: приведены сведения об авторе, переводчике, первые стихотворные строки на языке оригинала и в переводе; указаны стихотворный размер и данные о публикации). Участник Первой мировой войны. После 1917 г. рабо-

[77] Цит. по: Катанов В. М. Сокол Евгений Григорьевич. С. 79.
[78] Государственный архив РФ. Д. П-7854.
[79] ОГЛМТ. 22/28 НВ.

тал в Орле корректором в газетных редакциях, в издательстве «Красная книга», библиографом в губернской центральной библиотеке, где возобновил составление картотеки. С 1925 г. жил и работал в Смоленске, Ростове-на-Дону, Нижнем Новгороде, с 1933 г. – в Москве. С октября 1937 г. – главный библиотекарь отдела редких книг Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина, где продолжил составление картотеки иностранной поэзии, создал библиографию Н.С. Лескова и картотеку книг, изданных в Орле в 1801 – 1926 гг. (853 карточки). В июле 1941 г. вступил в народное ополчение. Пропал без вести на фронте.

Так сложилось, что ныне известна довольно краткая биография Евгения Сокола. Расширить её позволило сообщение Я. В. Леонтьева и Д. И. Рублёва «Евгений Сокол — друг Сергея Есенина: биографические материалы» на международном научном симпозиуме «Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха» (сентябрь 2015 г.)[80]. Однако и в этом сообщении, основанном на документах РГАЛИ, содержится ряд неточностей: например, о том, что поэт начал писать стихи с 17-летнего возраста, о том, что в 1917 г. он проходил военную службу в Пензе. На самом деле стихи Сокол начал писать значительно раньше, а в Пензе служил в конце 1915 — начале 1916 г.

Особый интерес вызывает упоминание в опубликованной автобиографии Сокола того факта, что на протяжении какого-то времени он занимал должность «пом<ощника> секретаря Губчека» в Орле. Речь идёт о периоде 1920 — 1922 гг. (всего за этот срок перечислено

[80] Леонтьев Я. В., Рублев Д. И. Евгений Сокол — друг Сергея Есенина: биографические материалы // Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха: Сб. науч. трудов / Серия «Есенин в XXI веке». Вып. 4 / Ин-т мировой лит. РАН, Гос. музей-заповедник С. А. Есенина; Рязанский гос. ун-т имени С. А. Есенина. Отв. ред.: О. Е. Воронова, Н. И. Шубникова-Гусева; Ред.-сост. М. В. Скороходов. М. — Константиново — Рязань: ГМЗ С. А. Есенина, 2016. С. 624—628.

около десятка различных должностей). Был ли Сокол профессиональным или нештатным сотрудником ЧК? Вопрос далеко не праздный, имеющий важное значение для оценки характера его взаимоотношений с тем же Есениным или коллегами по редакции «Гудка». К примеру, бывший сотрудник редакции, писатель Марк Ефетов (1907 — 1996) много десятилетий спустя наотрез отказался писать очерк об одном из сотоварищей по «Гудку». Столкнувшийся с этой загадкой журналист А. Шелихов с трудом, но всё же узнал причину: «Дело в том, что названный писатель, служивший в годы юности в ЧК, был напрямую причастен к арестам в «Гудке». Ни забыть, ни простить этого он <Ефетов> не смог»[81].

Вопрос о возможном чекистском прошлом Сокола я адресовал почётному работнику госбезопасности, полковнику в отставке, орловскому краеведу с более чем полувековым стажем Ю.Н. Балакину. Его разыскания в архивных фондах Орловского УФСБ и запрос в центральный архив ведомства внесли ясность: никаких должностей в ЧК или ГПУ Сокол не занимал. Вероятно, в автобиографии он сделал такую запись с каким-либо расчётом для «усыпления бдительности» столичных проверяющих касательно его прошлого…

Жизненный путь и творчество Евгения Сокола, его участие в революционной печати, в литературной жизни 1920-х гг. ещё ждут вдумчивого и скрупулёзного исследователя. Вполне возможно, что эти разыскания помогут обнародовать ряд интереснейших и важных страниц истории литературного процесса в целом.

[81] Клуб знаменитых капитанов и другие любимые читателями авторы 80-летнего «Гудка». Юбилейный выпуск. М.: Издательский центр газеты «Гудок», 1997. С. 92.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ Е.Г. СОКОЛА В ГАЗЕТЕ «ГУДОК»

СУДЕБНЫЕ РЕПОРТАЖИ

Дело ГУМа

Вчера начались прения сторон по делу 4 сотрудников ГУМа, растративших в период времени с марта 1924 года по октябрь 1925 года в общей сложности 4 309 рублей.

Обстоятельства дела таковы: заместитель заведующего контрольным отделом ГУМа Черныш вошел в соглашение со своим подчиненным счетоводом Шульцом и с двумя кассиршами — Воронцовой (обувной магазин) и Кунавиной (комбинированный магазин) и регулярно брал через Шульца у кассирши часть дневной выручки — по 100–200 рублей, скрывая при ревизиях растрату систематической подделкой документов.

И Шульц, и Воронцова, и Кунавина тоже брали себе деньги, хотя и меньшими долями, чем Черныш, а отчетность в ГУМе была, как выяснилось на суде, поставлена настолько неважно, что эти систематические хищения могли продолжаться почти два года и не были никем замечены, даже при годовой ревизии магазина, пока несчастная для Черныша случайность не выдала его.

Теперь обвиняемые пытаются выискивать смягчающие их вину обстоятельства и ссылаются на разные причины, толкавшие их на воровство и подлог.

Черныш ссылается на слабоволье, явившееся у него следствием повреждения спинного мозга в гражданскую войну.

Шульц говорит, что Черныша он считал единственной своей опорой для выдвижения по службе и безоговорочно

ему подчинялся. А кроме того, он заботился о своей восьмилетней сестре.

Все эти объяснения блестяще опровергнуты в обвинительной речи помощником прокурора тов. Давыдовым.

— Я был бы очень рад, — говорит тов. Давыдов, — если бы мне никогда больше не пришлось выступать по делам о растратах и хищениях в ГУМе, хотя я в это не очень верю. Там случаются вещи совершенно невероятные!

Случается то, чего уж никак ожидать было нельзя. Проворовывается отдел, который должен был бы служить учреждению защитой от всякого воровства, — контрольный отдел.

И, конечно, все причины, которые выставляют обвиняемые, не заслуживают никакого внимания.

Черныш уверяет нас, что трудоспособен только на 20 проц., а, однако, и такая пониженная трудоспособность его обошлась ГУМу в 40 000 рублей.

Во сколько бы обошлась 100-процентная трудоспособность Черныша?

Нелепы уверения Воронцовой о ее влюбленности в Черныша. Ну, пусть у них была любовь, это все понятно и простительно, но при чём же здесь ГУМ и почему ГУМ должен был платить Воронцовой алименты?

Также не заслуживают внимания и оправдания остальных подсудимых.

В заключение помощник прокурора обращается к суду:

«Граждане судьи, защитите наш советский аппарат от бывших наших «товарищей» Чернышей! Черныш социально опасен. Все плюсы, какие были у него, стали минусами. Все заслуги, которые он имел перед революцией — он употребил во зло нашему строительству, — и, чтобы покончить с растратами и хищениями в наших общественных и государственных учреждениях,

есть только одна мера — это высшая мера социальной защиты».

По отношению к остальным обвиняемым помощник прокурора настаивает на длительной изоляции.

29 июня 1926 г.

Дело ГУМа

Заседание 28 июня закончилось речами защиты, которая доказывала главным образом недопустимость применения к обвиняемым второй части 113 ст. Вчера заседание возобновилось в одиннадцать час. утра. Суд, заслушав последние слова обвиняемых, удалился на совещание.

В пять часов был вынесен приговор.

Все подсудимые признаны виновными в растрате и в служебных подлогах.

Суд приговорил: Черныша, как организатора и подстрекателя, к высшей мере наказания — расстрелу; Воронцову — к 5 годам заключения со строгой изоляцией; Кунавину — к 3 годам без строгой изоляции и Шульца — к трем годам без строгой изоляции.

30 июня 1926 г.

Кража из вагона

Вечером 22 января 1926 г. дежурный агент ст. Москва-Товарная Октябрьской ж.д. Елисеев, проходя по путям, услышал скрип вагонных дверей и увидал четырёх неизвестных людей, из которых двое несли какие-то ящики.

Увидев Елисеева, все четверо бросились бежать, причём ящики были брошены.

Двум удалось скрыться. Двое вскоре были найдены саженях в 60 от того места, где их заметил Елисеев, и оказались служащими дороги.

Один из них — Кузьмин — был найден в широкой железной трубе, другой — Феоктистов — в груде старого железа на складе Рудметаллторга.

Нашли их подоспевшие на зов Елисеева агенты охраны Осокин и Будкин, а Елисеев сразу опознал в Феоктистове одного из четырёх бежавших.

Тогда же была обнаружена кража 12 ящиков спичек из запертого и запломбированного вагона № 795920. Всё украденное вскоре было найдено — 7 ящиков валялись на путях, а 5 спрятаны в помещении вновь отстроенного пакгауза.

Кузьмин сознался в краже, но отказался назвать бежавших соучастников, отговариваясь тем, что фамилии их он не знает, что встретил он их случайно на катке «Спартак» и пошёл вместе с ними на кражу, но указать их местопребывание не может.

Кузьмин пытался выгородить и Феоктистова, говоря, что совершенно не знает, как Феоктистов попал в груду старого железа, что кражу они совершали втроём, и Феоктистов в ней не участвовал.

И сам Феоктистов не признал себя виновным, объясняя своё присутствие ночью на складе под грудой железа тем, что он был пьян и, проходя мимо, заснул там.

Однако свидетельскими показаниями виновность Феоктистова доказана.

Губсуд под председательством т. Дембицкого определил:

— Считать обвинение, предъявленное Кузьмину и Феоктистову, доказанным и подвергнуть их лишению свободы

сроком на три года каждого. Учитывая молодой возраст Кузьмина и Феоктистова, их малосознательность и первую судимость, суд нашёл возможным применить к ним ст. 28 уг. кодекса и срок наказания понизить им до 1 года с зачётом обоим предварительного заключения.

9 июля 1926 г.

Бандиты Курского вокзала

О самом происшествии уже сообщалось в своё время в хронике «Гудка».

Опять в деле фигурирует Курский вокзал, в последнее время избранный бандой воров и проституток основным местом своего жительства и обычным полем деятельности: грабежей, спаивания с целью наживы, карманного воровства и т. п.

Характерно, что спаивание и ограбление производятся в пустых вагонах, как было и на этот раз.

8 апреля 1926 года подвыпивший Кузмичёв, проходя мимо Курского вокзала, был остановлен проститутками Куликовой и Комиссаровой, которые предложили ему выпить с ними, а потом с ними же «провести время».

Зашли в гастрономический магазин, купили вина, грибов, колбасы и хлеба, и проститутки повели Кузмичёва в пустой вагон, стоявший на запасных путях Моск.-Курской ж.д.

А когда Кузмичёв расплачивался в магазине за вино и закуски, проститутки успели рассмотреть, что в бумажнике у него много денег, и решили его ограбить.

Выпили в вагоне, закусили, и Кузмичёв захотел остаться с Куликовой, а Комиссарова ушла, распрощавшись с ними и пожелав им спокойной ночи.

Но она не ушла совсем. Она пошла на вокзал и, разыскав там среди постоянных его обитателей нескольких своих знакомых, а именно: Жабкина, Подурцева, «Пончика», «Цыгана» и «Федьку-булочника», вернулась с ними в вагон, где оставались Кузмичёв с Куликовой.

Несмотря на сопротивления Кузмичёва, пытавшегося отбиться от шайки, воры ограбили его, отняв у него шапку, часы, кошелёк, бумажник (денег было больше 800 рублей), и скрылись.

Ободранный, помятый Кузмичев побежал в отделение милиции и, благодаря распорядительности дежурного по отделению, Жабкин, Подурцев, Краснов и проститутки Комиссарова, Филатова и Фёдорова (на которую тоже было указано как на соучастницу ограбления) были там же на вокзале задержаны.

Когда вели грабителей, один из них выбросил в мусорную урну большой нож, который был милицией подобран.

Своё пребывание в вагоне Комиссарова на суде объяснила тем, что проводники давали им не раз ключи от пустых вагонов, получая за это вознаграждение.

20 июля дело разбиралось в заседании Губсуда под председательством т. Архарова.

Суд нашёл обвинение, предъявленное Комиссаровой, Жабкину, Подурцеву и Краснову, вполне доказанным и приговорил их подвергнуть лишению свободы сроком на 3 года каждого без поражения в правах.

Фёдорову и Филатову считать по суду оправданными.

Признав, что Комиссарова, Жабкин, Подурцев и Краснов, как лица, обитающие по вокзалам, не имеющие постоянного местожительства, вращающиеся исключительно среди преступного мира, являются элементами опасными, суд постановил выселить их из пределов Московской губернии сроком на три года по отбытии ими наказания.

Учтя молодость осужденных и отсутствие тяжелых последствий ограбления, суд нашёл возможным снизить Комиссаровой, Жабкину, Подурцеву и Краснову срок лишения свободы до 1 года.

24 июля 1926 г.

Станционный жандарм

И. Ревякин с 1905 по 1917 год служил жандармским ротмистром на ст. Зима Сибирской ж.д. Он был грозой для руководителей рабочего движения, а рядовые рабочие боялись ему и на глаза показаться.

Ни один арест не производился без его непосредственного участия. Ни один митинг не проходил без того, чтобы Ревякин, переодевшись в штатское, не присутствовал на нем или не подсылал кого-нибудь из подчиненных ему жандармов.

Все списки революционеров были в его руках, и он указывал своему непосредственному начальнику ротмистру Богушевскому, кто ведет революционную пропаганду и кого следует арестовать.

Его нетерпимость к революции проявлялась во всем, и выполнял он свои служебные обязанности «не за страх, а за совесть», охотно, с какою-то дикой радостью. Он разгонял всякую случайно собравшуюся группу людей, он изобретал меры борьбы с иркутской забастовкой 1905 г., и он же выдавал революционеров начальникам карательных экспедиций: Алексееву, Меллеру-Закомельскому и Ранненкампфу, которые и расправлялись с ними по-своему: иных арестовывали и отправляли в тюрьму, а других тут же пороли.

Так при участии Ревякина выпороты были Меллером-Закомельским пять телеграфистов ст. Зима.

Деятельность Ревякина не ослабевала и после 1905 года в эпоху реакции, и по службе он числился на самом лучшем счету.

На суде Ревякин, конечно, пытался реабилитировать себя, причём договорился до явных нелепостей: будто он не только не боролся с революцией, но даже помогал революционерам.

После 1917 г. Ревякин приспособился к кооперации и вступил в члены кустарной артели, прячась от всех, кто знал его прошлое.

В Иркутске окружной суд приговорил Ревякина к лишению свободы на 5 лет со строгой изоляцией, но, принимая во внимание, что Ревякин не являлся особо ответственным лицом, суд снизил ему наказание до двух лет.

4 августа 1927 г.

Палач «вагона смерти»

Дальневосточный краевой суд заслушал в гор. Хабаровске жуткое дело о преступлениях против революции и о диких зверствах бывшего сотника, командира личного калмыковского взвода и коменданта его поезда Л.И. Пискунова.

Пискунов в калмыковском отряде был всесилен и со своими расправлялся нисколько не мягче, чем с красными.

Свидетели рассказывают, как Пискунов после офицерского восстания в отряде Калмыкова лупил нагайкой жен и матерей арестованных офицеров за попытки поближе подойти к арестантскому «вагону смерти».

Сам Пискунов признается, что за время его комендантства через «вагон смерти» прошло человек 300, что он отправил из вагона на расстрел человек 200.

Свидетельские показания рисуют подвиги Пискунова:

— Мочили на животе кожу и долго натирали намоченное место руками и щетками, а потом оттягивали кожу и ребром ладони «отсекали» ее…

— Избивали плетями и шомполами и посыпали раны солью…

— Коммунистку Болотину вели на расстрел на Амурский железнодорожный мост раздетую донага, с отрезанной грудью, и Пискунов издевался над нею и избивал ее.

— Пискунов заходил в «вагон смерти», вызывал кого-нибудь двоих из заключенных и заставлял их бить друг друга, а потом сам или кто-нибудь из его подручных по его приказанию избивали их обоих, взяв за волосы и стукая головами друг о друга. Потом тут же шашками зарубали их насмерть.

Когда вели людей на расстрел, их сбрасывали с лестниц, избивали до потери сознания, потом отливали водой и избивали снова.

Пискунов вообще никогда не расставался с нагайкой. Нагайка была принадлежностью походной формы калмыковского отряда, и она пускалась в дело при всяком разговоре с узниками «вагона смерти», даже с проводниками поезда, если проводники не успевали быстро подать сотнику Пискунову «чашку чая».

Из «вагона смерти», как общее правило, живыми не выходили, а только неожиданно спасались, как, например, свидетель Саморакин, избитый, измученный, выведенный на расстрел, расстрелянный, но недобитый, ухитрившийся бежать с места истязания и казни.

Краевой суд приговорил Пискунова к высшей мере социальной защиты (к расстрелу).

Пискунов обжаловал это решение в Верховный суд РСФСР, где на днях будет рассматриваться его кассационная жалоба.

11 августа 1927 г.

Комендант «вагона смерти»

(Приговор по делу Пискунова)

По делу коменданта калмыковского поезда Пискунова (см. «Гудок» от 11 августа, № 181) Верховный суд РСФСР утвердил приговор дальневосточного краевого суда без изменений и оставил кассационную жалобу Пискунова без последствий в виду чрезмерных зверств, проявленных Пискуновым.

23 августа 1927 г.

Тащи и не пущай!

Если обыкновенный человек пьян и скандалит, то это еще не страшно. На него легко можно найти управу: для этого достаточно только позвать милицейскую «власть» с угла.

Но вот когда сама власть пьяна и тоже хулиганит, тогда дело становится серьезным, тогда утихомирить ее трудно, и в милицию препровождаются трезвые и не хулиганившие люди только за то, что они пытались удержать от хулиганства эту власть.

Так было в Днепропетровске. Рабочий паровозных мастерских С. Водяной зашел в пивную и что-то сказал пьяному и бушевавшему милиционеру Усольцеву о том, что следует держать себя поприличней.

Усольцев вызвал участкового надзирателя Трошина, и Трошин коротко и грозно приказал:

— Арестовать Водяного! Немедленно! Тащить в милицию и не пущать!

И потащили пьяные милиционеры трезвого железнодорожного рабочего, да еще избили по дороге и продержали под арестом до утра.

Суд приговорил Трошина и Усольцева за дискредитирование власти к лишению свободы на 1 год.

3 ноября 1927 г.

Подпольный адвокат

Андрей Ильич Басанько — человек положительный, с высшим образованием и занимается «солидными» делами — подпольной адвокатурой.

Манера вести эти дела и привела гр. Басанько на скамью подсудимых.

12 марта он явился в квартиру гр. Майзель, церемонно раскланялся и заговорил:

— Я — Андрей Ильич Басанько, юрист, «присяжный поверенный». Имейте это в виду. Вы, конечно, знаете, что ваш муж арестован МУУРом; вы, конечно, знаете, что он аферист и мошенник; и вы, конечно, тоже знаете о всех делах своего мужа, а значит, и являетесь его пособницей и сообщницей. А потому, имейте в виду, что вы тоже будете арестованы. А, кроме того, я должен вас предупредить,

что о всех ваших поступках я заявляю в Наркомпочтель, где вы служите, и вы будете уволены со службы и исключены из союза.

Гр. Майзель долго была безработной, а после ареста мужа ее служба являлась для нее единственным средством к жизни, и поэтому естественно, что гр. Майзель испугалась.

— Ну, так вот, — продолжал гр. Басанько, — вы теперь понимаете, что я все могу с вами сделать. Поэтому я вам говорю, что я явился к вам, как поверенный гр. Бакиной и гр. Голубева. Ваш муж должен Бакиной 50 рублей, и вы должны немедленно написать расписку об обязательстве уплатить ей эти деньги. А, кроме того, я вам говорю, что ваш муж продал Голубеву ту комнату, в которой вы живете, и поэтому будьте добры немедленно отсюда выселиться, а иначе я, как юрист, приму свои меры против вас.

Гр. Майзель билась в истерике, и на этот раз Басанько ничего от нее не смог добиться. В тот же день он пришел вечером и новыми запугиваниями заставил Майзель написать расписку, а в ближайшие дни — и выселиться из комнаты.

Может быть, эти вымогательства и прошли бы для гр. Басанько без наказания, если бы он окончательно не распоясался. Как-то раз вечером, когда уже никаких дел у него к Майзель не было, он явился к ней снова и новыми угрозами и запугиваниями, новыми обещаниями ареста и доноса заставил Майзель отдаться ему.

Свидетельскими показаниями все темные деяния гр. Басанько на суде были подтверждены, и московский губсуд в заседании 28 ноября приговорил гр. Басанько по совокупности за совершенные им преступления к лишению свободы на 2 года с поражением в правах на один год.

1 декабря 1927 г.

«Культурные» насильники

Сегодня, в 12 ч. дня в московском губсуде под председательством тов. Стельмаховича начнется слушанием дело по обвинению трех начинающих писателей, студентов Высших гос. Литературных курсов М.А. Альтшуллера, В.И. Аврущенко и В.И. Анохина в групповом изнасиловании студентки тех же курсов З. Исламовой (ст. 153, ч. 2 Уг. код.), результатом чего явилось самоубийство потерпевшей.

Несмотря на огромный интерес к происшествию, на массу толков о нем в среде учащейся молодежи и на газетную кампанию против литературной богемы, мы до окончания предварительного следствия не считали себя вправе давать нашим читателям ни одной из множества распространившихся версий об обстоятельствах преступления.

Теперь предварительное следствие закончено, и обвинительное заключение вменяет Альтшуллеру, Анохину и Аврущенко в преступлении то, что они «по заранее обдуманному плану, используя желание Исламовой встретиться с Альтшуллером, пригласили ее под видом вечеринки в отдельный номер гостиницы. Там они привели Исламову в состояние сильного опьянения, а затем, воспользовавшись ее беспомощным состоянием, поочередно совершили над ней насилие».

Альтшуллер, Анохин и Аврущенко — выходцы из мелкобуржуазной среды: сыновья зубного врача, фармацевта и совслужащего.

Все трое учились на литературных курсах, до самого последнего времени мелкобуржуазный характер как по составу учащихся (только тот может учиться, кто может хорошо платить), так и по составу некоторой части профессуры, явно несовременной.

На одном из курсовых литературных вечеров произошло и знакомство Исламовой с Альтшуллером, уже пользовавшимся «крупной» известностью в студенческой среде. Известность эта создала ему совершенно безответственное признание в нем проф. Фатовым почти классического таланта. Сделал это Фатов, вероятно, так же легко и свободно, как, например, признание бездарнейшей поэтессы Серпинской, близкой к Блоку и к Баратынскому.

Неумеренное возвеличивание критикой «таланта» Альтшуллера вскружило голову Исламовой, причем, по показаниям свидетельницы Василевской, Исламовой не хотелось идти туда, и она согласилась на это только ради Альтшуллера.

Обвиняемые отрицают свою инициативу и говорят, что первой заговорила о вечеринке Исламова.

Впрочем, в этой части показаний обвиняемые противоречат друг другу, и Аврущенко уверяет, что Альтшуллер решил встретиться именно в отдельном номере гостиницы, а Альтшуллер и Анохин сваливают эту инициативу на Аврущенко.

Во всяком случае Альтшуллер дал Аврущенко свой профбилет и деньги на наём номера с дополнительной кроватью, и вечеринка состоялась в гостинице «Запад».

Исламова не решилась идти на вечеринку одна и после отказа Василевской пригласила с собой другую подругу — Исакович.

Вечеринка началась с чтения стихов и закончилась пьянством, причем друзья-писатели намеренно спаивали Исламову, незаметно для нее подливая ей в вино водку.

Когда у Исламовой закружилась голова и Альтшуллер отвел ее на кровать, Аврущенко начал приставать к Исакович, но Исакович оттолкнула его и убежала в коридор.

Вернулась Исакович в номер минут через 10. В номере было темно. Альтшуллера уже не было. Когда зажгли свет, Исакович увидала на кровати вместе с Исламовой Аврущенко.

Исакович решила уйти и звала с собой Исламову, но Исламова, видимо, была в бессознательном состоянии и ничего не ответила.

Часов в 11 вечера Анохин попросил уступить ему место возле Исламовой, и Аврущенко уступил. Анохин же и проводил в 5 часов утра очнувшуюся и пришедшую в ужас от всего случившегося Исламову.

Дома Исламова говорила соседке, что на вечеринке ее сильно подпоили, и указывала на свою распухшую губу:

— Это какой-то мерзавец меня укусил.

В 12 часов ей позвонил по телефону Аврущенко, и сейчас же после разговора с ним Исламова покончила с собой выстрелом из револьвера.

Неизвестно, о чем говорил с Исламовой Аврущенко. Только письмо, оставленное ею на имя Альтшуллера, позволяет предполагать в этом разговоре какую-то насмешку:

— «Ты напоил меня, а потом оставил на издевательство другим».

Вот данные предварительного следствия. Может быть, судебное следствие и прения сторон выяснят какие-нибудь новые обстоятельства дела.

Во всяком случае солидарность и обвинения, и защиты (губ. прокурор Шемяцкий и защитники Броудо, Рубинштейн и Синайский), представленная в процессе, дает уверенность в том, что ничего в деле не останется невыясненным.

Сотни студенческих и комсомольских резолюций требуют «суровой кары» для подсудимых.

Пролетарский суд наш, конечно, в независимости от каких бы то ни было посторонних влияний, решит дело только на основании тех материалов, которые даст судебное следствие.

17 мая 1928 г.

Классовая борьба в деревне

Деревня Аппак-Джанкой на Крымском побережье населена почти исключительно греками. Вначале прошлого года, под влиянием целого ряда политических и экономических мероприятий органов советской власти и, в частности, местного сельсовета, направленных против кулачества, население деревни разделилось на две группы с резко-противоположными интересами. Во главе кулаков стоял торговец-кулак Архайчев, в прошлом царский чиновник, сумевший после революции пролезть в председатели потребительского кооперативного общества. Беднота объединилась вокруг председателя сельсовета, демобилизованного красноармейца, бедняка Эндеки, и секретаря — партийца Павлова.

Борьба была упорная. Перед последними выборами в сельсовет кулаки напрягли все свои силы, чтобы провести в председатели своего ставленника, но бедняки дали им жесткий отпор, и все кулацкие кандидатуры блестяще провалились. Тогда озлобленные кулаки стали попросту избивать своих противников. На кооперативном собрании Архайчев с плеткой набросился на Павлова за то, что последний запретил ему, как лишенному прав, мешать собранию. С трудом удалось Архайчева скрутить и выкинуть вон.

…Новый год кулаки справили по-старому, 13 января. Напились и всей оравой пошли по деревне колядовать. По предложению Архайчева пошли к сельсовету, где Павлов в это время вел антирелигиозную беседу с бедняцкой молодежью. Раздались угрожающие выкрики по адресу «сельсоветчиков». Кто-то предложил поджечь сельсовет. Когда же Павлов вышел к толпе и стал ее уговаривать не хулиганить, он был схвачен кулаками, и началось избиение. Павлову удалось забежать в помещение, сельсовета, но пьяные кулаки последовали за ним и продолжали его избивать. При этом было разгромлено помещение сельсовета. Только с помощью подоспевших бедняков Павлову удалось спастись… Прибежавшего на место побоища Эндеки кулаки также жестоко избили…

В результате 15 участников расправы, во главе с Архайчевым, были привлечены к ответственности.

При разборе дела выяснилось, что начал избиение Павлова темный бедняк Кавунов, подпоенный и подкупленный кулаками. Тот же Кавунов первый стал бить и громить окна в сельсовете. Кавунов на суде со слезами раскаялся в своем преступлении и разоблачил махинации и замыслы кулаков.

Суд приговорил Архайчева к лишению свободы со строгой изоляцией на 6 лет, с поражением в правах на 5 лет и высылкой на 3 года из пределов Крыма и с конфискацией всего имущества, а двух его главных подручных — к лишению свободы со строгой изоляцией на 3 года, также с поражением в правах и с конфискацией имущества. Остальные участники приговорены к разным срокам лишения свободы, с конфискацией всего или части имущества.

В отношении Кавунова, совершившего преступление под влиянием кулаков, от которых он находился в материальной зависимости (Кавунов — батрак), суд

нашел возможным ограничиться лишением свободы на 1½ месяца.

Жалобы Архайчева и других осужденных на «суровость» приговора оставлены без последствий.

29 августа 1928 г.

РЕПОРТАЖИ И ОТЧЁТЫ

Всесоюзный съезд ВАПП

Наиболее интересными моментами съезда нужно признать доклад тов. Авербаха «О культурной революции и литературе» и доклад А.В. Луначарского «О задачах марксистской критики».

Сравнив ВАПП с другими литературными организациями, тов. Авербах приходит к заключению, что ВАПП является единственной литературной организацией, которая объединяет вопросы художественного творчества и литературной политики с задачами культурной революции.

— Мы завоевали рабочего читателя, — говорит тов. Авербах и приводит интересные цифры читаемости беллетристов рабочими: читаемость классиков стоит сейчас только на двенадцатом месте. Немного уделяется внимания и тем писателям, о которых сейчас шумит критика. Так, Всеволод Иванов оказывается по читаемости только на пятнадцатом месте, Пильняк где-то совсем в конце, Пантелеймон Романов читаем главным образом в Рабисе и у совторгслужащих, а в других союзах он на девятом месте. На первых местах — Серафимович и Фурманов.

Эти цифры ясно показывают читательские вкусы у рабочих масс.

Тов. Луначарский полагает, что задача пролетарской революции — «выточить и заострить оружие в борьбе за социализм. И критика должна помочь писателю, когда он сбивается с пути и впадает в неверный тон».

— Надо признаться, — продолжает он, — что здесь мы далеко не на высоте. Критик должен учить читателя и писателя, а для этого больше, чем кто-либо другой, он должен сидеть за учебой сам.

Прения по обоим докладам носили очень оживленный характер, но выступления некоторых членов съезда против основных докладов успеха не имели.

Показательны цифры организационного доклада тов. Селивановского: ВАПП объединяет 4 300 человек, в него входит 52 организации, из которых 12 республиканских и 7 — областных. В ВАПП 42 проц. крестьян, 31 проц. — рабочих и 26 проц. интеллигенции. Поэтов — 46 проц., беллетристов — 38 проц., критиков — 10 проц. и драматургов — 6 проц. Большинство ВАПП — молодежь то 20 до 25 лет. По профессии на первых местах стоят просвещенцы, транспортники, печатники и металлисты.

В резолюционной части съезд «констатирует рост и укрепление ВАПП и призывает усилить показ живых людей в пролетарской литературе, показ явлений жизни во всей ее сложности», а также необходимость борьбы с заметно усиливающейся буржуазной литературой. Съезд обращает внимание будущего правления на необходимость правильной работы с правыми попутчиками.

В объединение ВАПП на условиях полного равноправия вошли РСФСР, Украина, Закавказье, Белоруссия, Узбекистан и Туркестан. На правах самостоятельной организации к ВАПП примкнул «Кузница».

«Левый блок» ВАПП (Безымянский, Родов и др.) на предложение распустить фракцию дали уклончивый ответ, и съезд поручил новому правлению в случае отклонения членов «блока» от постановлений съезда исключить их из ВАПП.

Закрылся съезд ВАПП 8 мая.

24 мая 1928 г.

Бог без маски

(В центральном антирелигиозном музее)*

Такого бога, облупленного, лишенного и грома, и молнии, и кадильного дыма, и поповских заклинаний, посмотреть, конечно, интересно.

Бог наизнанку, бог с сорванной маской, — никому он не страшен, никому он не нужен!

И смешно, и жалко смотреть на него в антирелигиозном музее, — смотреть на все те побрякушки и отрепья, в которые кутали его попы, обманывая верующих.

Удивительные вещи собраны в этом музее! Интереснейшие предметы божьего обихода, интереснейшие приспособления для втирания людям очков, остроумные поповские «орудия производства», которыми они пользовались и пользуются до сих пор для своих шантажных деяний по облапошиванию и обирательству «паствы».

Вот, например, кому знать железнодорожные линии лучше, чем железнодорожникам, а между тем только в этом музее удалось нам узнать об открытии «новой» железной дороги, удалось прочитать расписание поездов, — как бы вы думали, — куда?

Впрочем, вот подлинная выдержка из этого замечательного документа:

«Расписание поездов железных дорог для желающих путешествовать в райские обители.

Поезда отходят каждый час и каждую минуту.

Курьерский поезд 1-го класса: убожество, целомудрие, послушание.

Экстренные поезд 1-го и 2-го классов: честность, милосердие, молитва.

---

*Елецкий пер., 8. Открыт по вторн., четв. и воск. с 12 часов дня.

Товаро-пассажирский поезд 1-го, 2-го и 3-го классов — соблюдение десяти заповедей.

Цены местам» и т. д…

Это нелепого творчество досужего бездельника было бы, конечно, просто только смешно, если бы на церковной стене, откуда взято оно в музей, не висело обычной кружки для «доброхотных даяний».

Впрочем, не только смешное собрано в музее. Есть документы жуткие, ест образцы поповского творчества дореволюционного периода и гражданской войны, которые продиктованы совсем не «милосердием» и не «любовью к ближнему».

Комплекты «Почаевского Листка», издававшегося Почаевской лаврой под руководством «преосвященного» Владимира, особенно интересны.

Вот что в нем писалось в 1905 г.:

«Арестовано 500 демократов. Хорошо, что полиция не щадит демократов, а лучше было, если бы вешала».

«Идите вперед и давите жида, этого вонючего клопа».

Замечательна коллекция всякой рухляди, найденная у бывш. графини Орловой: святые пояски, четки, ногти, бороды святых, костяшки (мощи), куски «древа господня» и т. п. ерунда.

Этим «древом», равно как и «святой водой», торговали монахи особенно успешно. В музее есть огромный пень «дуба», на котором «спасался» преподобный Тихон. При ликвидации монастыря этого самого гнилого «святого дуба» было найдено несколько вагонов.

А «святая вода»! Еще совсем недавно, — в прошлом году только, — была ликвидирована «лечебница» у нас в Москве, в Донском монастыре, где за хорошие деньги продавались некипяченая вода и какое-то масло, «которые ото всех болезней помогают».

Масло это при исследовании оказалось сильным слабительным, вызывающим отчаянную боль в желудке…

Музей еще не совсем развернулся из-за недостатка средств, но и то, что в нем есть сейчас чрезвычайно интересно и показательно.

Вот роль церкви в истории крепостного права. Тут даже у самих монахов иногда совесть заговаривала, и какой-то «старец Вассиан Косой» писал: «Мы же, иноки, обижаем и грабим, продаем христиан, братий наших, истязуем их и бичуем без всякой жалости, аки звери дивни на телеса наскопующе». Прекрасное самоопределение:

«Аки звери дивни»!

А ведь духовенство было богатейшим помещиком. В Европейской России духовенство владело 1 871 858 десятинами земли и монастыри — 779 771 десятиной, и у них было 859 125 крепостных крестьян, которых попы и монахи «истязали и бичевали без всякой жалости».

Отсюда, естественно, вытекала классовая сущность церкви, классовый характер богослужений и государственные обязанности церковников. Отсюда понятно, почему так яро восстал патриарх Тихон со всеми своими приспешниками против Октябрьской революции и рассылал всюду свои листовки и письма, собранные теперь в музее:

— «Будьте непоколебимы»! …

— «Анафема большевикам»! …

В прошлом церковь также давила всякое проявление свободной мысли, против всякого стремления народа к свободе восставала она со злобой, руганью, и получала за это награды: христианское духовенство — кресты, ордена и деньги, раввины — тоже деньги и часы с надписями: «за верную службу».

Одни такие часы, подаренные раввину жандармским генералом, имеются в музее.

Боги, божки и божищы всех размеров и видов, — и грустные, и веселые, и красивые, и корявые, хромые, безрукие и раскосые, благообразные и способные своей дикой внешностью пугать детей, деревянные, каменные, металлические, — торчат во всех углах.

Они развенчаны, они потеряли свой авторитет и таинственность, они бессильны теперь перед пробужденным духом народа и только смешны, как смешны своим шурум-бурумовским барахлом вскрытые мощи, о которых какой-то пожилой рабочий сказал при мне:

— Даже и не верится, что наглость поповская доходила до того, чтобы заставлять нас молиться на всякую дрянь!..

Рабочие приходят в музей и экскурсиями и в одиночку. Музей посещается очень хорошо — человек 75–100 в день. Иногда забредают какие-то пожилые благообразные женщины, смотрят сначала недоверчиво, охают про себя, а потом заражаются общим настроением и тоже требуют показать им совершенно неприличного индусского «божка плодородия».

Музей делает свое важное и нужное дело, и приходится только очень пожалеть о его финансовой бедности, мешающей ему расширить свою работу и развернуть новые отделы.

Кто-то должен устранить эту ненормальность.

Организации должны оказать музею самую широкую поддержку.

30 мая 1928 г.

Надо подтянуться

Нужно признать, что безбожная работа среди железнодорожников не на высоте.

Центральный совет союза безбожников в своем конкурсе на лучшую ячейку пока смог отметить только одну железнодорожную безбожную организацию — ячейку при службе движения Завокзального района г. Баку.

За два года существования эта ячейка с 28 человек выросла почти в пятнадцать раз.

Но мы должны отметить не только количественный рост ячейки, а и качественный.

Работа ее дает прекрасные результаты.

Находясь в самом центре местного «воинствующего» сектантства, завокзальные безбожники сумели не только почти окончательно ликвидировать влияние сектантов на железнодорожников, но даже склонить индивидуальной пропагандой к безбожию многих сектантов и церковников.

Ячейка ведет строгое наблюдение за действиями религиозников и вовремя умеет отразить всякое их покушение с негодными средствами на затемнение сознания рабочих масс.

Она работает не наскоком, не «по праздничкам», не от кампании к кампании, а регулярно, планомерно. Несмотря на то, что наиболее активно из-за разъездной службы могут работать только 25 человек, ячейка за 2 года сумела провести 112 различного рода собраний, лекций, читок, диспутов и с гордостью смеет заявить, что нет ни одного железнодорожника в Завокзальном районе, который хоть не побывал бы на собрании безбожников.

Весьма важно отметить, что ячейка сумела втянуть в себя не только молодежь, но и шестидесятилетних стариков, не только рабочих, но и служащих, которые

на железных дорогах почему-то особенно отстали от антирелигиозного движения.

В Завокзальной ячейке из 312 членов 94 служащих. Это солидный процент.

Мы можем еще отметить ячейку кондукторского резерва ст. Новосибирск Омской ж. д., которая даже на лето не прекратила своих еженедельных занятий, но зато другие службы ст. Новосибирск спят беспробудным сном, и никакой безбожной работы там даже и в помине нет.

А в других местах безбожные ячейки либо совсем отсутствуют, либо существуют только на бумаге и никакой или почти никакой работы не ведут.

Так, челябинцы называют свой железнодорожный райсовет безбожников «спящей красавицей», которую вот уже больше года никому не удается растолкать.

Еще одним примером может служить почти распавшаяся ячейка при службе эксплуатации ст. Бологое. В нее из 1 000 человек рабочих и служащих вошли только 45 человек, да и те «вошли» только на бумаге.

Да чего же и можно ждать от той ячейки, председатель которой больше занять постройкой двухэтажного домика, секретарь В. Ионов венчается в церкви, а рядовые члены по его примеру приглашают попа кропить «святой водой» коров перед первым выгоном их на пастбище и т. п.

Такие безбожники только позорят безбожное дело.

Или что толку из безбожной пропаганды может быть в Орле, если ее там «по должности» обязан вести железнодорожный учитель В.Н. Азбукин? Азбукин — человек весьма сомнительных достоинств. До революции Азбукин был постоянным сотрудником губернских епархиальных ведомостей, а после революции — фактическим редактором впавшего в черносотенство «Орловского Вестника», закрытого в 1918 году губисполком за подлые инсинуации

против советской власти. Возрождена эта газета была тем же Азбукиным, когда Орел был занят Деникинскими бандами, с передовой статьей, озаглавленной:

«Христос Воскресе!».

А потом Азбукин совсем сбежал с белыми при их отступлении и только в 1923 году вернулся.

Работа подобных людей нам не может принести пользы, а вред сказывается.

Например, в Орле в железнодорожной больнице ведется не антирелигиозная, а божественная пропаганда, и к этому делу приставлен специальный баптист, не выходящий из больницы и делающий свое дело гораздо продуктивней, чем орловские безбожники делают свое.

Странно. Ведь на многих участках социалистического строительства железнодорожники заняли одно из первых мест.

Нужно напрячь им силы для того, чтобы не отставать так недопустимо и на фронте антирелигиозной борьбы.

28 августа 1928 г.

ФЕЛЬЕТОНЫ И РАССКАЗ

Кто против нас?

(Вместо фельетона)

Тов. Катанян крылатым словом закончил свою обвинительную речь на процессе Дружиловского:

— Дело Дружиловского у нас случайно совпало с «неделей обороны», и мы обязаны, товарищи судьи, сделать все, что от нас зависит, для обороны страны от шпионов, фальшиводокументщиков и наймитов буржуазии.

И суд приговорил Дружиловского к высшей мере социальной защиты — к расстрелу.

Дружиловский обезврежен, и не в нем теперь дело, не он интересен нам.

Но совпадение его процесса с «неделей обороны» весьма примечательно.

Кто же против нас? Кто же был вместе с Дружиловским? Кто вдохновлял его на политическую проституцию, на небывалые до сих пор подлости?

Имена говорят сами за себя: все — князья: Салтыков, Оболенский, Ливен, Белосельский-Белозерский, герцог Лихтенштейн-Лихтенбергский, барон Вильенгрен, сенатор Бельгардт с женой и сыном.

Все «бывшие» — правда, кроме только одного сенаторского сынка, который никогда ничем и никем не был, которому только революция и эмиграция дала только некоторую известность мелкого мошенника, политической проститутки, продающейся одновременно всем, кто может

заплатить, и непременно обворовывающей всякого, кому продалась.

Вот кто против нас! Вот кто шел на нас под белыми знаменами.

Бывшие люди, — вот кто подлогами «писем Зиновьева» помогает пробраться к власти нашим душителям, нашим заклятым врагам, Чемберленам и Хиксам.

Сутенеры, кричавшие «продадим жен и детей ради отечества, ради единой неделимой России!» и действительно торговавшие своими, и чужими детьми в Константинополе, продававшие старым развратникам в Берлине и Париже своих жен и продающие самих себя всякому дураку, который еще находит возможным платить за них хотя бы гроши, и тратящие эти гроши на кокаин и шампанское, — вот те, кто замышляет новый поход против Советского Союза.

15 июля 1927 г.

Ляпчев и «Гудок»

По постановлению болгарской прокуратуры правительства Ляпчева не только распространение, но и хранение даже старых номеров «Гудка» будет караться по законам о «безопасности государства» тюремным заключением на срок от до 10 лет.

(Из газет)

— Коммунисты?.. Что такое?
Где? Откуда? Кто посмел?
Зря мы лили кровь рекою?
Зря зарыли кучи тел?

Коммунисты? Что же дремлет
Полицейская рука?! —
И ответу Ляпчев внемлет:
— Вся зараза — от «Гудка».
Ведь «Гудок», подлец гудучий, —
Тут гудит, а слышно там.
И бороться с этой бучей
Не под силу стало нам.
— Что же, силы у нас мало?
Что же, нет у нас замков?
Что же, виселиц не стало
Тюрем, розог, кандалов?
Безусловно и мгновенно
Все обделать мне «на-ять»
И «Гудок» одновременно
И тащить, и не пущать. —
Дураки!
Что нам в угрозе
В этой вашей? Дураки!..
Ведь на каждом паровозе
Есть свои у вас гудки.
Наш «Гудок» — лишь только эхо
Сотен тысяч тех гудков,
Что рабочим к новым вехам
Шлют в пространство зычный зов.

21 июля 1927 г.

В овечьей шкуре

Заявление: Я должен покинуть путь, по которому шел несколько лет. Если не касаться мира духовного, высших

стремлений нравственных, необходимых для снискания благ небесных, человеку свойственно искать лучшего в мире жизненно-бытовом, цель которого есть более спокойное и материально-обеспеченное положение. Служба на железной дороге удовлетворяет последним требованиям, и поэтому прошу товарищей не отказать принять меня в состав служащих. Диакон ст. Дно Порховского уезда Гавриил Знаменский.

— «Хорошо в раю у бога!
И туда попасть я рад…
Но железная дорога
Кормит лучше во стократ.
Бог-то — богом, чёрт-то — чёртом!
Ну, а брюхо — не пустяк…
И единым хлебом черным
Не набьешь его никак»…

Так по зрелом размышленьи,
Срезав космы, наконец,
Строчит длинное прошение
Впопыхах святой отец:
— «Для снискания благ небесных,
Я курю кадильный дым…
Но мне также интересно
К благам приитти земным»…
Ждет ответа, лоб нахмуря,
За поклоном бьет поклон…

Но, отец! В нас — мало дури,
И волков в овечьей шкуре
Мы не пустим в свой загон!

13 июня 1928 г.

Завклубом «удивляется»

Когда зав. таганрогским железнодорожным клубом получил от окружного совета союза безбожников письмо с просьбой об уделении серьезного внимания антипасхальной кампании, он искренне удивился:

— Позвольте! Почему? Зачем? Такого договора не было. Я с богом воевать не нанимался! Я нанимался только клубом заведывать, что и выполняю усидчиво и аккуратно, по мере сил и возможности. А с богом бороться, — помилуйте! Да ведь на это же сил никаких не хватит. Шутка сказать!..

Впрочем, видимо, среди таганрогских железнодорожников не один только зав. клубом «стесняется» вести антирелигиозную пропаганду. Вот и докладчик тов. Колесников своей неявкой сорвал и предпасхальное цеховое собрание, и комсомольское собрание тоже не состоялось, и выставку антирелигиозной литературы никто не решился делать.

Впрочем, не все таганрогские железнодорожники удивлялись необходимости вести антирелигиозную работу.

Кое-что все же было сделано. Было два доклада в клубе, был детский утренник, был концерт и были даже танцы и собеседование в «кружке шитья».

«Что-нибудь» все-таки лучше, чем совсем «ничего».

13 июня 1928 г.

Сектанты орудуют

В Пензе, в железнодорожных мастерских и на самой станции Пенза Сызрано-Вяземской жел. дор., свил себе

гнездышко некий Спрыжков, в царское время бывший учителем, а теперь, в силу своего безработного состояния, ставший баптистом.

— Ничего не поделаешь! Привычка — великая вещь, и если мне теперь детей не позволяют учить страху божию и верности престолу и отечеству, так можно учить взрослых… тоже страху божию.

Проповедует «учитель»:

— Страх божий прежде всего и любовь братская — то же самое. Так вот, если бы вновь была интервенция, то «Красная армия должна воткнуть штыки в землю и сложить руки молитвенно». Этим она совершит «христианское, богоугодное» дело.

В Пензе же орудуют и еще два «учителя» — папаша с сынком Ткаченко, гвардейские унтер-офицеры.

Правда, те больше орудуют в других районах, а на Сызранку являются только на гастроли. Ну, да это все равно.

Рабочим организациям следует обратить серьезное внимание на эту христианско-черносотенную банду.

13 июня 1928 г.

Честолюбивый отец

Отец Владимир, волнуясь, расхаживал из угла в угол и нервно теребил в карманах подрясника сжатыми в кулаки руками.

Сегодня, отдыхая после обеда в беседке своего расцветшего яблоневым цвета садика, довелось услыхать отцу Владимиру вещь странную, довелось подслушать разговор своей дочери со студентом Родзевичем. И не дает отцу покою разговор тот.

— Шутка ли? Маевка, прости господи… А? Завтра, в Сорочьих кустах, за Понавенкиной дачей, с красным флагом, и рабочих с пенькотрепальни будет человек не меньше пятедесяти…

Переловят… Как пить дать переловят… А не переловят завтра, так после кто-нибудь донесет, и всех тогда арестуют, и ее — Шурочку — тоже.

Для того ли растил? Для того ли воспитывал, учил, на курсы отдал, чтобы в тюрьме сгноилась и его бы седины позором покрыла, весь авторитет у властей и у паствы разрушила?

Прощай тогда и благополучие, и благочиние, и законоучительство, и кандидатура от партии националистов в Государственную Думу.

— Не допущу! Не переступлю верности моей царю и отечеству, — заговорил вдруг вслух отец Владимир, потрясая освобожденной из кармана правой дланью. Не нарушу крестного моего целования.

Но легко сказать: «не допущу!» А поди-ка вот, не допусти. Как не допустишь? Чем путь ей преградишь? Пойдет ведь! Если уж решила, так непременно пойдет, ни перед чем не остановится! Настырная! Своенравная…

— О, господи, господи! Научи, вразуми! Вот уж истинно рекли в писании старцы благочестивые: «Наказуй дитя в юности, да упокоит тя в старости!»

Упокоила! Нечего сказать! С кем связалась? С крамольниками, с атеистами, с бомбистами, с беспартошниками, со всякой сволочью… Упокоила…

Разложить бы ее, да выдрать хорошенько, дабы почувствовала власть родительскую и смирилась бы перед нею.

Да, поди, выпори теперь… Руки коротки. Совсем уйдет из дому. Голодать будет, а уйдет, — ни перед чем не остановится.

Хоть бы завтра переловили всю эту сволочь! Донести надо, чтобы непременно переловили! Чтобы ввергли в узилище, да не соблазняют малых сих…

Но ведь тогда и ее ввергнут, и Шурочку… Нет, нельзя допустить сего. Сердце родительское не выдержит.

Нет, удержать ее надо, путь ей преградить, препону поставить, иже не перескочи…

А как удержишь? Как преградишь? Разговор с ней завести, так если случиться что завтра, а она догадается, что я все знаю, и поймет, кто донес, так еще хуже будет…

Нет, это не годится! Помоги, господи! Вразуми…

До позднего вечера бродил отец Владимир по комнатам и все сжимал кулаки, все шептал:

— Помоги, господи! Вразуми…

И господь «вразумил».

Перекрестился отец Владимир истово и троекратно, бухнул поклон земной перед образом богородицы «утоли моя печали» и, крикнув в кухню: «Домна, оденься, письмо сейчас отнесешь!», сел к столу и макнул перо в чернильницу.

Витиеватые, врисованные буквочки с закорючками, да с хвостиками, да с росчерками пестрили в глазах исправника в клубе, где его отыскала Домна, когда читал он удивленно за карточным столом послание отца Владимира:

«Исправнику града Болтова Аристарху Власьевичу Звягинцеву от благочинного градских града Болтова церквей протоирея Владимира Елеонского конфиденциально и весьма спешно.

Дрожайший и глубокоуважаемый Аристарх Власьевич!

Во имя господа и на благо государю моему и отечеству повинен я сообщить вам о крамольном замысле некиих шарлатанов, атеистов и жидов, кои, заранее между собою сговорившись, назначили на завтра в Сорочьих кустах, что

в заду Поновенкиной дачи за городом, свое тайное сходбище в 11 часов поутру.

А так как сие все направлено ими ко свержению существующего издревле самодержавного строя российского и вдохновляемо заграничными и нашими жидомасонами, а наипаче всего и красным флагом предполагает быть осеняемым, то и льщу я себя уверенность, что вы, как истый страж престола и отечества, со всяким присущим вам героизмом и решимостью оное безобразие пресечете в корне, да не соблазняются некие от малых сих шабашем бесовским крамолы и да никакого вреда России нашей и ее возлюбленному венценосцу от сих ослепленных в своем безумии заговорщиков не воспоследует.

Источник, из коего доподлинно мне все стало ведомо, сообщу вам при личной встрече, коя, надеюсь, в ближайшие дни не применит воспоследовать, а пока что покорнейше прошу вас приставить с самого раннего утра ко вратам дома моего какого понадежней, порасторопней и посмышленее из подчиненных вам городовых или стражников, кои бы неотступно всюду за дочерью моей Александрою с момента выхода ее из дома следовал по пятам и тем дал бы ей возможность на оном шабаше не присутствовать безо всяких со стороны заговорщиков на ее счет подозрений.

Сие особенно важно и для дальнейшего, а почему, то также сообщу вам при встрече, хотя мыслю, что вы о сем по мудрости своей и сами догадаетесь.

Засим шлю вам свое на подвиг ваш благословение, молю господа, дабы он поспешествовал вам на путях ваших, и остаюсь искренне и нелицеприятно вам преданный протоирей крестовоздвиженского собора и благочинный градских церквей Владимир Елеонский».

Весна стояла теплая и солнечная.

Всё было зелено. Всё цвело.

А день 1 мая выдался особенно тёплый, особенно яркий, особенно по-вешнему радостный.

Отец Владимир только что вернулся от ранней обедни и пододвинул к себе стакан кофе с топлеными сливками, когда Шура вышла в столовую уже совсем одетая, с пальто и с шарфом в руках.

— Что так рано, пташечка, поднялась, — приветствовал её отец Владимир, — и куда так рано полёт направляешь?

— Я к подруге. Мы условились погулять сегодня, если день будет погожий.

— Не следовало бы. Рано еще. Земля хоть и оттаяла, хоть и зазеленела, но еще не провяла достаточно. Простудиться можно.

— Ничего, папа. Мы будем осторожны.

— От простуды на прогулке не остережешься… А, впрочем, я не отговариваю, сама себя блюсти можешь. Уж ведь не маленькая.

Шура, выйдя из дому, удивилась, увидав прогуливающегося по площади перед домом городового, но сама улыбнулась в душе своей подозрительности и быстро пошла по улице к окраинам города.

Удивление ее возросло, когда она заметила, что городовой неотступно, хотя и вдалеке, идет следом за нею.

— Слежка что ли? — мелькнула мысль. Нужно проверить.

Шура свернула в первый попавшийся переулок. Городовой свернул за нею. Шура обогнула кругом весь квартал и вышла опять на ту же самую улицу. Городовой не отставал от неё.

— Ясно — слежка. Значит, провал. Значит, всё сорвалось, погибло… Кто-то выдал… Но как же другие? Предупредить бы… Но как? Ведь так хуже наведёшь на следы… Так всех можно погубить… А нужно что-то…

Шура быстро решилась и вернулась домой.

— Что ж не погулялось? — спросил отец Владимир.

— Да так что-то… Прохладно… Да как будто и дождь собирается…

— Ну, вот и прекрасно. Вот и рассудительно…

А про себя подумал: значит, заметила соглядатая и тем спасена. А те все пусть пропадают пропадом на благо отечества…

А Шура, пройдя в свою комнату, выпрыгнула через окно в сад, перелезла через забор в дьячихин сад, оттуда перешагнула через полуразрушенный плетень на пустырь, из пустыря перебралась на Пряхинские огороды и, открыв в заборе небольшую дверку, проделанную для приноса воды при поливке, вышла на берег.

— Никого. Слежки нет… Нужно спешить…

Забежала туда, сюда… к одному, к другому… Нет, все спокойно. Все благополучно ушли на маевку. Значит, слежка только за нею. А ей удалось обмануть, удалось уйти. Значит, можно тоже на маевку.

Закоулками выбралась Шура за город и быстро пошла по тропинке, пряча на груди маленький красный флаг, закрывая его полами пальто.

Вдруг сразу остановилась. Из-за поворота тропки, из-за кустов выехали конные стражники с винтовками в руках, а за ними, окруженные городовыми с шашками наголо, двигались студенты, рабочие, все, все, кто должен был быть на маевке.

Шура остановилась и от неожиданности воскликнула:

— Провал… Боря, Сигизмунд…

Ее обыскали и отвели в тюрьму вместе со всеми другими.

Отец Владимир ходил как пришибленный.

— Все пропало! Чадо мое любимое!.. Шурочка. Зачем же? Зачем? Уж я ли все не предусмотрел… Я ли господа не молил вразумить меня. Зачем же перехитрила, все мои планы нарушила! Погибнешь теперь… Сгниешь… И на мне отразится. Затравят меня: «Отец, мол, крамольницы, атеистки»…

Промедля несколько дней, отец Владимир писал архиерею и предводителю дворянства, возглавлявшему собой национальную партию в уезде.

«Печаль великая посетила меня, испытание послано мне от господа, как Иову благочестивому в оны годы. Но, как и надлежит доброму христианину, а наипаче служителю и молитвеннику за грехи людские перед престолом его, я все сие приемлю с твердостью и смирением, во всяк день славя господа: “Бог, дал, бог и взял! Да будет воля его”…

И как верный слуга государя моего и истинный сын отечества, твержу неуклонно: “Худая трава из поля вон! Не дочь мне та, кто замыслил злое на царя и отечество, и кто отверг в сердце своем имя господне”.

А посему пребываю в убеждениях неизменным и за дочь ходатайствовать ни перед кем не желаю и всякого упоминания о кровности ее со мною сторонюсь»…

Отец Владимир деятельно готовился к выборам в Государственную Думу, громя на собраниях в храме с амвона крамолу и крамольников.

К концу года он получил в награду золотой наперсный крест с архиерейской благословенной грамотой.

Шура поехала в ссылку в Якутскую область…

24 мая 1928 г.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Будь начеку

Будь, пролетарий, всегда начеку!
Враг окружает нас снова.
Сталью штыка мы ответим штыку,
Слову — молотом слова.

Цельсь вернее; с упора, с руки
Всаживай пулю за пулей?!
Знаем – не дрогнут стальные полки
В громе и в пушечном гуле.

Знаем — атакой, железной волной,
Сломим враждебные стены,
Как половодье ломает весной
Лед, вырываясь из плена.

Будь начеку! И могуч, и суров,
Зорко храни наше знамя!
Много предателей, много врагов
Бродит опять между нами.

Вспомним, кто шел против нас с Колчаком,
В церкви гнусавя молитвы,
Дланью, простертую в бой, и крестом
Благословляя бандитов.

Кто на Москву к нам Деникина ждал
И издевался враждебно,

Кто его банды ликуя встречал
Звоном и словом хвалебным.

Будь начеку и бестрепетно жди
Битвы кровавого мига.
С сердцем бесстрашным в суровой груди,
С песней, с винтовкою, с книгой.

10 июля 1927 г.

Июльское восстание

Когда февраль отбушевал,
Когда бойцов похоронили
И мудрой лестью усыпили,
И обещанием похвал
Народной злобы буйный шквал
На незасыпанной могиле,

И мановением руки,
Как стадо в бойню для закланья,
В огонь войны на умирание
Послали новые полки, —
Тогда фабричные гудки
Запели с жутким завыванием.

Тогда суров, кипуч и прям,
Грозя бичующей рукою,
Взметнулся Ленин над толпою,
И ударяло по сердцам:
«Мир хижинам! Война дворцам!»
Неслыханным призывом к бою.

И вздрогнул город. И попы
Вопили, крест держа в деснице:
«Се к нам антихрист в багрянице
Направил адовы стопы.
Но мы — отечества столпы —
Повергнем дьявола в темницу!»…

Но город бился, как набат.
Но взмыли красные знамена.
Пошли стальные батальоны
Рабочих, моряков, солдат
Под грозный песенный раскат:
«Вставай проклятьем заклеймённый»…

Так сотней тысяч голосов
В огне и в орудийном гуле,
В кольце штыков и в свисте пульном
Народ на злобный крик дворцов,
На клеветничество попов
Ответил 3-го июля.

16 июля 1927 г.

Вторая эскадрилья железнодорожников

Выше в небо блеском крыльев,
Мощным стрекотом винта,
Пролетарские усилья,
Пролетарская мечта!

Выше в синие равнины,
На охрану наших сел,

Наших рельсов паутины,
Наших фабрик, наших школ!

Напрягая все усилья,
В небо выпустим с земли
Мы Вторую Эскадрилью
На рабочие рубли.

Пусть видят, пусть узнают,
Кто дерзнет к нам слать полки,
Как в бою тяжка бывает
Мощь мозолистой руки.

Выше в небо,
Мы же сами,
Наступленью вражьих свор,
Броневыми поездами
На земле дадим отпор.

28 июля 1927 г.

Сакко и Ванцетти

(С английского, Генри Райх)

Так: это новый и ужаснейший позор
Бесчестная творит против законов власть.
Над беззащитными опять навис топор,
И близок тягостной расправы час.
В Чарльстон, в дом смерти мрачный и немой,
Они отправлены, чтоб ждать свой срок…
И самый ад в сравнении с той тюрьмой
Нам раем показаться б мог.

Ванцетти знал, что в лапах воровских
Его судьба, что все предрешено,
И хоть весь мир просил семь лет за них,
Но их убьют, казнят их все равно.
Массачузетс! Растет и в глубь, и в ширь
Рабочий гнев за подлый приговор…
Они должны возвращены быть в мир,
Иль ляжет на тебя неслыханный позор!

9 августа 1927 г.

Железо

(Стихи революционного турецкого поэта Махмэна Эман)

Тот погреб тесен, как могила.
Сочится в щели мутная вода.
До боли страшно заглянуть туда.
И никогда там солнце не всходило.

Голодные, растратившие силы,
Вы, бедняки, — подвижники труда, —
Какая вами добыта руда?
Чем вас земля за труд ваш наградила?

О, слава вам, творящим подвиг свой
Во мраке шахт глубоко под землей
И тающим в работе год из года!

Железо — то, что движет мир вперед
Железо — то, чем вспрянувший народ
Крепит добытую в бою свободу.

18 августа 1927 г.

Сакко — Ванцетти!

(С немецкого, Генрих Дахс)

На волю! На волю!
Ты слышишь ли? Крики ты слышишь ли эти?
Кричат непрестанно, кричат в целом свете
Миллионы рабочих всех стран
На улице, и у станков, и в газете.
И крики, сливаясь, растут в ураганы.
Эй! Сакко — Ванцетти —
На волю!

Дрожит губернатор, как вор,
Подписывает приговор
Скрываясь за зубья штыков, —
О казни борцов.

Пытаются там демократы
Тюрьмой, электрическим стулом, петлей
Спастись от заслуженной ими расплаты,
Сдержать наш мятежный прибой.

О, горе вам, если Сакко с Ванцетти
Под вашим ударом умрут!
Следов преступления вы не сотрете,
И будет вам страшен наш суд.

Еще — напряженье! Чтоб в уши тиранам
Ревел этот крик наш, как вопль урагана:
Ванцетти и Сакко — на волю!

19 августа 1927 г.

Убийцам

Мерзавцы! Убийцы!
Что ж, — «грубо»? Я знаю!
Но можно ль и нужно ль молчать?
И нужно ли, в злобе убийц проклиная,
«Приличное» слово искать?!

Слова безразличны, бессильны, бездушны,
Из горл вырывается рев…
Когда же за кровь их отмстить будет нужно,
На месть мы восстанем без слов.

Безвинные пали… Разбойники живы!..
Но дрожью трусливой дрожат.
И близки отмщенья народного взрыва,
И стонет призывный набат.

Мерзавцы!
Убийцы!
Всему есть пределы…
Под бездной винтовочных дул —
Посмотрим, сумеете ль сесть также смело
Вы на электрический стул?!

24 августа 1927 г.

Машинист

Стучите, стучите, колеса, —
Та-та… та-та-та… Та-та-та
Мелькают леса и откосы,
Горбы кружевного моста.

Мелькают покосы и хаты,
Поет над стенами гудок,
Темнеют и блекнут закаты,
Горит предрассветный восток.

Один за одним перегоны
Бегут непрестанно назад,
Со сталью и хлебом вагоны
Упруго по рельсам стучат.

Гуди, мой гудок!
Мы — на страже, —
И «Путь» — боевой наш приказ,
Мы — красная армия та же, —
И мощь ее зиждется в нас.

И кто бы, когда бы и где бы
На нас ни накликал беду, —
Всегда — на посту я!
И с хлебом я армии поезд веду.

Стучите, колеса! Стучите,
Глушите тоску тишины,
Крепите железною нитью
Пути необъятной страны!

1 сентября 1927 г.

Песня о ленском расстреле

Золото с природным
кровавым пятном на одной щеке.
К. Маркс.

Из страшных страниц прежних дней,
Из царских кровавых апрелей,
Кровавей других и страшней
Страница о ленском расстреле.

Сейчас моя песня о том,
Что было в недавние годы, —
Как брат шел на брата с ружьем
Под палкой бесславным походом.

Во мраке сырых рудников,
Как в тесной, холодной могиле,
Они в день двенадцать часов
Кровавое золото рыли.

И голод, и холод, и боль,
И скучная жизнь без просвета,
Тоска гложет душу, как моль,
И краю тоске этой нету.

Но вот надоели пинки,
И голод, и боль, и побои.
И, бросив ломы и кирки,
Толпою ушли из забоев.

Тогда на расправу, как в бой,
Явились жандармы с войсками,

И пред безоружной толпой
В строю засверкали штыками.

Послышалось краткое: «Пли!»,
Запели горячие пули.
И сотни рабочих легли
И сном беспробудным заснули.

Не быть снова прошлым годам,
Былое ушло невозвратно.
Но в золоте, добытом там,
Остались кровавые пятна.

Захлопнута в прошлое дверь,
Со звоном скатились короны, —
Но кровь наших братьев теперь
Храним мы на наших знаменах.

18 апреля 1928 г.

РЕЦЕНЗИИ

Георгий Шенгели. «Маяковский во весь рост».

Издание ВСП. М., 1927. 52 с. Цена 55 коп.

Эта брошюра является разработкой той публичной лекции, которую Шенгели в течение прошлой зимы повторил раз десять и в ГАХН'е, и в Союзе писателей, и в других литературных организациях.

Ставит себе целью эта брошюра «повнимательней рассмотреть, что представляет собой Маяковский как поэт».

И Шенгели, несмотря на небольшой объем брошюры, сумел действительно полно охватить творчество Маяковского и со стороны формальной, что особенно удалось автору, как одному из наиболее видных русских теоретиков стиха, и со стороны тематической и идеологической.

Несмотря на то, что Шенгели в заключительных строках приходит к выводу, что Маяковский «вне всяких сомнений стоит ниже своей эпохи и эпоха отвернется от него», мы не можем признать брошюру ни односторонней, ни злопыхательской, ибо то хорошее, значительное, что есть у Маяковского, Шенгели не замалчивает, не хулит, а только отделяет «пшеницу от плевел» и кладет их на разные чашки весов, – какая перетянет.

И ясно, что непомерно тяжкой оказывается та чашка, на которую падает халтурное бесстыдство, вроде севастопольской прошлогодней летучки:

«Сегодня зал горсовета, вечер Маяковского поэта. Владимир Маяковский, если не верите, сам был в Америке.

В кассе с двенадцати до шести предварительная продажа билетов. Придете, сядете и едете в три часа вокруг света».

Есть, конечно, в брошюре и спорные положения, но это только усложняет ее интерес тем более, что написана она четко и заостренно.

1 сентября 1927 г.

Человек из ресторана

Фильм «Межрабпом-Русь» «Человек из ресторана», поставленный режиссером Протазановым, уже в первые дни постановки вызывает много толков о себе. Но характерно, что выдвигается на первое место не самая постановка, не фабула, не работ оператора, а только центральная фигура Скороходова в исполнении М.А. Чехова.

Не случайно, конечно, даже и реклама выделяет в красную строку не название картины, а фамилию артиста, — не «Человек из ресторана», а «М.А. Чехов».

Картины, пожалуй, и нет, — во всяком случае нет в ней ничего такого, что заставило бы задуматься, что могло бы поставить ее, как картину, на полочку достижений советской кинематографии, но есть прекрасная игра Чехова, правда, может быть, чересчур уснащенная достоевщиной, может быть, не идеальная с точки зрения кинематографической техники (Чехов выступает для экрана в первый раз), но оставляющая глубокое впечатление, оживляющая экран подлинной жизнью человеческой, подлинной трагедией «человека» «униженного и оскорбленного».

Все, что вокруг Чехова-Скороходова, все это как будто само по себе, и как «само по себе», может быть, как-то и

живет, но именно только «как-то», — совершенно отдельно от главной темы.

Ничем не связаны все эти генералы, купцы, «золотая» молодежь с основным ходом действия и не только не создают нужного фона для Скороходова-Чехова, но и даже не характеризуют собой эпоху и могут быть показаны и 1900-м годом, и 1905-м годом, и 1915–16-м годами.

Некоторые детали картины просто недопустимы для серьезной режиссуры, например, попытка насыщения фильма «идеологией» путем организации домашних официантских бунтов, — попытки, граничащие с нелепостью.

Действие фильма относится к 1915–16 годам и пытается выявить эпоху скрещиванием ресторанной жизни тогдашнего «общества» и жизни «людей» из ресторана, ресторанных трудящихся.

Может быть, эта попытка удалась бы больше, если бы меньше изменений было внесено в повесть Шмелёва, положенную в основу фильма.

1 сентября 1927 г.

«Гамбург»

Книга Ларисы Рейснер «Гамбург на баррикадах» — прекрасная книга. Она мастерски написана, как вообще все, что вышло из-под пера Ларисы Рейснер. Она совершенно правильно отражает затронутые темой куски жизни, — быт и психологию немецкой рабочей среды в моменты высшего революционного подъема.

Книга увлекательна и читается с большим интересом.

ВУФКУ сделало из этой книги фильм «Гамбург». И нам кажется, что сделало его недостаточно умело и недостаточно продуманно.

Прежде всего сомнительна актуальность темы: ведь то, что у Ларисы Рейснер является только одним из ряда очерков иностранной жизни, здесь взято за основу, за самое главное, и из этого, почти рядового, создана картина, претендующая на значение исключительное, на значение революционной эпопеи.

Сомнительно уже то предположение, что нам для кинопостановок за 2 месяца до 10-й годовщины Октября нужно искать проявления где-то на стороне, — где-то не в Ростове, не в Орле, не на Перекопе, а в Гамбурге, — да еще удовлетворяться таким, сравнительно небольшим, несомненно местным масштабом.

Те времена, когда русское искусство для изображения героя не слов, а дела, принуждено было идти мимо России, обращаться хотя бы к Балканам (Тургенев — «Накануне»), безвозвратно прошли. И если литература наша не чуждается иностранных тем, то это понятно и оправдано, потому что в литературе мы имеем по нескольку тысяч печатных листов в год, чего, конечно, не имеем в кинематографии.

Как же показана картина? Как сделан фильм?

Едва ли удовлетворительно. Может быть, и нет ярко заметных «развесистых клюкв», но, конечно, нет и никакого Гамбурга, ибо макеты ратуши и моста так мимолетны на экране и так не связаны с общим ходом действия, что отсутствие их ни для кого не было бы заметно.

А если переменить имена действующих лиц, то свободно можно тот же самый фильм показывать и как трагедию эпохи Колчака, Деникина или Врангеля, разыгравшуюся в Самаре, в Кобеляках, — где угодно.

Ничего характерного для немецкого быта, для германской революции в фильме нет, но есть «вампука» (хотя бы сцена с автомобилями в предпоследней части, или

ресторанный оркестр, или маршировка солдат во дворе ратуши).

Вывод: всё, что осталось в фильме от Ларисы Рейснер, — не плохо; всё, что создано режиссурой, — определенно плохо.

Из актеров выделить некого.

9 сентября 1927 г.

«Поцелуй Мэри Пикфорд»

Конечно, этот фильм «не перерастает порой рамок чистой комедии, переходя в сатиру резкую и острую», как рекламируют его Совкино и Межрабпом-Русь, но смотрится он все-таки весело и с интересом.

«Ядовитого, по своему существу», в нем нет ничего, но зато есть, к сожалению, вульгарная дешевизна и грубость, порой граничащая со сценическим озорством, это — начало сцены на «кинофабрике», когда публике в «медальоне» показываются наименее приличные части тела, превращающиеся постепенно в уборщика, или старый макслиндеровский трюк с льющейся из брюк водой, когда по забывчивости в карман спрятан стакан с водой.

Трудно установить чье это остроумие: режиссера или сценариста.

Если сценариста, то с Вадима Шершеневича, бывшего идеолога бывшей «литературной группы» имажинистов, — что же с него и взять; а если режиссера, то нам кажется, что режиссура в Совкино и Межрабпом-Руси должна была бы ко многому обязывать.

Прекрасно выполнена операторская часть фильма, хорошо «живет» везде толпа. А Игорь Ильинский так про-

вел свою роль, что, конечно, собственно он-то и сделал успех фильму, и, конечно, он-то и сделал то, что, независимо от многих недостатков, картина смотрится так весело.

Мэри Пикфорд и Дуглас Фербенкс, играющие тематически большую роль в фильме, на экране настолько эпизодичны, что о них и сказать нечего.

Повторяем, картину смотреть можно, но если постановщики задались целью «борьбы с киноманией», то нужно признать, что задача эта ими не выполнена.

16 сентября 1927 г.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Дело ГУМа

Дело ГУМа // Гудок. 1926. № 146 (1828), 29 июня. С. 4. Подпись: Сигма.

Дело ГУМа // Гудок. 1926. № 147 (1829), 30 июня. С. 4. Без подписи.

2-я часть 113-й статьи Уголовного кодекса РСФСР 1922 года подразумевала применение высшей меры наказания.

Кража из вагона

Кража из вагона // Гудок. 1926. № 155 (1837), 9 июля. С. 4. Подпись: СИГМА.

Московский губернский суд был образован 1 февраля 1923 года. В системе единого суда города Москвы и губернии выполнял функцию руководящего центра.

Согласно статье 28 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года суд, руководствуясь исключительными обстоятельствами, в своём решении мог игнорировать низший предел меры наказания.

Бандиты Курского вокзала

Бандиты Курского вокзала // Гудок. 1926. № 168 (1850), 24 июля. С. 6. Без подписи.

Станционный жандарм

Станционный жандарм // Гудок. 1927. № 175 (2160), 4 авг. С. 4. Подпись: Сигма.

Барон А.Н. Меллер-Закомельский (1844 – 1928), генерал от инфантерии. В декабре 1905 года был послан со специальным отрядом в 200 человек, собранным из гвардейских частей, для восстановления порядка на Транссибирской магистрали, забайкальская часть которой к тому моменту находилась фактически в руках революционеров. В ходе экспедиции по приговору военно-полевого суда под председательством Меллер-Закомельского было расстреляно несколько

человек. На станции Иланской отрядом было убито около 20 железнодорожных рабочих и 70 ранено.

П.К. фон Ранненкампф (1854 – 1918), генерал от кавалерии. В 1906 году командовал специальным сводным отрядом (батальон пехоты с несколькими пулемётами), с которым, следуя на поезде из Харбина (Маньчжурия), восстановил сообщение Маньчжурской армии с Западной Сибирью, прерванное революционным движением в Восточной Сибири («Читинская республика»), разгромив силы мятежников в полосе железной дороги и наведя порядок в Чите.

Подъесаул Алексеев командовал отрядом, посланным из Омска в начале января 1906 года по линии Сибирской железной дороги для наведения порядка. На станции Иннокентьевской (Иркутск-Сортировочный) этот отряд был присоединён к отряду Меллер-Закомельского. Звание подъесаула (казачьи войска) приравнивалось к званию штабс-капитана в пехоте.

Палач «вагона смерти»

Палач «вагона смерти» // Гудок. 1927. № 181 (2166), 11 августа. С. 6. Подпись: Сигма.

Комендант вагона смерти (Приговор по делу Пискунова) // Гудок. 1927. № 190 (2175), 23 августа. С. 4. Подпись: Сигма.

И.П. Калмыков (1890 – 1920), участник Первой мировой войны, есаул. В октябре 1917 года 3-м кругом Уссурийского казачьего войска назначен временно исполняющим должность войскового атамана. Затем командир Особого казачьего отряда. Воевал с большевиками. Был отмечен чином генерал-майора и избран войсковым атаманом Уссурийского казачьего войска. Занимал также ряд других командных должностей. Калмыков и его подчинённые совершали бесчисленные убийства, насилия и грабежи, мотивируя их борьбой с большевиками. Ушёл на территорию Китая, там был арестован и затем убит при попытке к бегству.

Л.И. Пискунов (1898 – 1927), прапорщик, комендант бронепоезда. На его личном счету – около двухсот убитых людей. В июле 1920 года

бежал в Китай, оттуда на полгода вернулся в Никольск-Уссурийский, работал в милиции. В 1921 году попал в банду полковника Ширяева (тот входил в организацию «Братство русской правды»). В 1924 году снова скрылся за границей, два года сидел в китайской тюрьме. В 1927 году нелегально вернулся в СССР и попытался укрыться в Приморье. Был разоблачён и по приговору суда расстрелян.

Тащи и не пущай

Тащи и не пущай // Гудок. 1927. № 252 (2237), 3 ноября. С. 4. Подпись: С.

Подпольный адвокат

Подпольный адвокат // Гудок. 1927. № 274 (2259), 1 декабря. С. 4. Подпись: Сигма.

«Культурные» насильники

«Культурные» насильники // Гудок. 1928. № 113 (2397), 17 мая. С. 4. Подпись: Сигма.

Одним из фигурантов этого дела был довольно известный в 1930-х годах поэт и переводчик Владимир Израилевич Аврущенко (1908–1941). Процесс широко освещался в прессе и по этой причине приковал к себе небывалый интерес со стороны общественности. О степени этого интереса можно судить хотя бы по такому факту: на втором заседании суда присутствовали Борис Пильняк, Леонид Леонов и Владимир Маяковский.

Николай Николаевич Фатов (1887–1961) — известный литературовед первой половины XX века, профессор, пушкинист. В начале 1920-х годов читал лекции в Орловском педагогическом институте.

Нина Яковлевна Серпинская (1892–1954) – поэтесса, художница и мемуаристка. Первым мужем Серпинской был упоминаемый Соколом профессор Фатов.

Илья Давидович Брауде (1885–1955) — известный русский и советский адвокат, автор книг «В уголовном суде. Из записок защитника 1922–1927 гг.» (1927), «Записки адвоката» (1974).

Приговор суда не был опубликован в «Гудке». Согласно репортажу, опубликованному в газете «Вечерняя Москва», Альтшуллер был приговорен к шести годам заключения, Аврущенко — к четырем годам, Анохин — к двум годам; все трое избежали строгой изоляции и поражения в правах. Подробнее см.: Под плесенью богемы. Альтшуллер, Аврущенко и Анохин осуждены // Вечерняя Москва. 1928. 23 мая.

Аврущенко был освобождён досрочно. В 1930 – 1932 гг. проходил военную службу в танковой дивизии; работал в редакции «Красноармейской радиогазеты». В начале Великой Отечественной войны призван по мобилизации, служил корреспондентом в редакции газеты 5-й армии «Боевой поход». Был ранен, захвачен фашистами в плен в сентябре 1941 года и жестоко казнён (разорван танками). Похоронен в братской могиле в селе Кейбаловка Пирятинского района Полтавской области.

Классовая борьба в деревне

Классовая борьба в деревне // Гудок. 1928. № 200 (2484), 29 августа. С. 4. Подпись: С.

Всесоюзный съезд ВАПП

Всесоюзный съезд ВАПП // Гудок. 1928. Литературная страничка. № 119 (2403), 24 мая. С. 12. Подпись: Сигма.

Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП) была основана в октябре 1920 года на одной из конференций пролетарских писателей, созванной литературным объединением «Кузница». В 1921 году утверждена Наркоматом просвещения РСФСР в качестве головной литературной организации. После создания соответствующей Всесоюзной ассоциации преобразована в Российскую ассоциацию пролетарских писателей (РАПП).

1-й Всесоюзный съезд пролетарских писателей открылся в Москве 30 апреля 1928 года в Доме съездов Наркомпроса (Харитоньевский переулок, 4) и завершился 8 мая. На съезде была провозглашена

историческая неизбежность «гегемонии пролетарской литературы». Это означало: ведущая роль в отношении всей литературы и главенствующее влияние на читательские массы под знаменем единого, обязательного для всех «диалектико-материалистического метода». На съезде было создано Всесоюзное объединение ассоциаций пролетарских писателей.

Л.Л. Авербах (1903 – 1939) – литературный деятель и критик. Один из лидеров литературной группы «На посту», в 1922 – 1924 гг. ответственный редактор журнала «Молодая гвардия», в 1926 –1932 гг. – генеральный секретарь Ассоциации пролетарских писателей и редактор журнала «На литературном посту». Репрессирован.

РАБИС – Всесоюзный профессиональный союз работников искусств.

Бог без маски

Бог без маски (В центральном антирелигиозном музее) // Гудок. 1928. № 124 (2408), 30 мая. С. 4. Подпись: Сигма.

Надо подтянуться

Надо подтянуться // Гудок. 1928. № 199 (2483), 28 августа. С. 4. Подпись: Евг. Сокол.

Публикация Сокола в «Гудке» – отголосок давней истории, непосредственным участником которой был он. Сразу после Февральской революции в Орле были обнародованы архивы губернского жандармского управления. Из ряда документов следовало, что информация о ситуации в сфере печати к помощнику начальника управления подполковнику Шульцу поступала от редактора «Орловского вестника» И.И. Лебедева. Это вызвало грандиозный скандал, хотя, объективности ради, вполне возможно, что Лебедев не был официальным осведомителем, а лишь откровенничал с Шульцем во время клубных встреч по вечерам. Шульц и начальник управ-

ления Долгов были арестованы. В апреле 1917 года в «Известиях Орловского Совета рабочих депутатов» были опубликованы (подряд, несколько раз) категоричные заявления сотрудников «Орловского вестника»:

«Не откажите в редактируемой вами газете дать место моему заявлению о том, что по принципиальным соображениям я не считаю возможным в дальнейшем сотрудничать в газете «Орловский вестник». К сему Нил Соколов» (Известия…, 1917, 5 апр.). «Просим опубликовать в «Известиях Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов» это заявление о нашем нежелании дискредитировать себя в глазах общества дальнейшим участием в «Орловском вестнике» после того, как названная газета так некрасиво выявила себя в дни свободы. Примите и проч. Н. Васильев, Н. Гришаков, А. Смирнов, В. Лебедев» (Известия…, 1917, 6 апр.).

«Прошу редакцию «Известий Орловского Совета рабочих и солдатских депутатов» не отказать в оглашении, что с 20 марта сего 1917 года я в числе сотрудников «Орловского вестника» не состою. А.С. Ларионов» (Известия…, 1917, 7 апр.).

Редакция решительно отмежевалась от И.И. Лебедева. 14 мая 1917 года в «Орловском вестнике» было напечатано официальное сообщение под заголовком «От редакции и издательства «Орловский вестник»:

«С 4 мая с.г. «Орловский вестник» выходит за подписью одного из товарищей по издательству М.И. Абросимова.

Предпринята работа по реорганизации всего предприятия «Орловский вестник».

Ничего общего, кроме чисто формальных взаимоотношений, которые в самом непродолжительном времени будут ликвидированы, новая Редакция не имеет с И.И. Лебедевым.

Все обязательства, которые могут быть выданы с 3 мая с.г. И.И.Лебедеву по издательству, считаются товарищами недействительными. Все уплаты по счетам должны быть вносимы в контору Т[оварищест]ва «Орловский вестник», но не Лебедеву И.И.

Корреспонденцию денежную и простую адресовать только по следующему адресу: контора «Орловский вестник», М.И. (Михаилу Иосифовичу) Абросимову».

Однако в новой прессе, несмотря на это, продолжалась травля Лебедева. 16 мая «Известия…» напечатали фельетон «О редакторе»:

«Союзом печатников г. Орла постановлено бойкотировать И.И. Лебедева, редактора «Орловского вестника», «прогрессивной» газеты общественной жизни, литературы, политики и торговли»…

Бойкотировать за его близость к шефу жандармов Шульцу и за осведомление Шульца о жизни Орла. Теперь нам понятен весь подзаголовок газеты («Орловский вестник». – ред.): «Газета литературы», – это значит, что там печатается некто Азбукин, пишущий много, но довольно-таки плохо.

«Газета торговли» – это уж совсем позорно. Ведь торговля в охранках была поставлена правильно и без: «С-Д» [социал-демократы] – 2 – 15 рублей; «С-Р» [социалисты-революционеры] – 10 руб.; «К-Д» [конституционные демократы, сокращённо кадеты] – 3 рубля… Кадеты были почему-то не в цене.

Рабочие постановили не иметь с Лебедевым дел. Рабочие – сознательны. А вот оставшиеся в газете сотрудники, – это жалкие крохи былого, – те-то что же?

Или им безразлично, кто их редактор?

Неужели со всяким работать будут?»

В том же номере было помещено стихотворение «Из альбома пародий» с подзаголовком «Песенка редактора»:

Бывали дни весёлые –
Я с Шульцем близок был,
Но дни пришли тяжёлые,
И вот я приуныл…
Ах, были дни весёлые,
Я пил, плясал и пел…

Чёрт взял бы публикацию
Жандармских этих “дел”…»

После столь мощной кампании по дискредитации «Орловский вестник» утратил свою популярность среди орловской публики и вскоре прекратил существование.

Сокол не совсем точен в изложении обстоятельств выхода единственного номера «Орловского вестника» в занятом белогвардейцами Орле. Передовой статьи под заголовком «Христос Воскресе!» в этом выпуске не имелось. На первой странице под названием газеты было дано приветствие крупным шрифтом на всю ширину: «Да здравствует Добровольческая Армия!». В комментарии «На Москву!» (подписан криптонимом «А.», по всей вероятности, это и был Азбукин) подчёркивалось: «С нами происходит чудо воскресения из мёртвых. На нас исполняется мудрый исторический закон собирания распавшегося. Закалённые в горниле страданий, поднимаемся навстречу светлой заре нашего искупления, навстречу доблестным подвигам» (Орловский вестник, 1919, 4 окт.).

Василий Николаевич Азбукин (1889 – 1967) – филолог, журналист и поэт. Родился в городе Болхове Орловской губернии в семье священника, спустя девять лет семья переехала в Орёл, где отец стал настоятелем храма. В юности на страницах «Орловских епархиальных ведомостей» публиковал стихи. В 1909 году окончил четыре класса Орловской духовной семинарии, затем славяно-русское отделение историко-филологического факультета Варшавского университета.

В университете занимался изучением критики творчества И.А. Гончарова, автор книги «Гончаров в русской критике (1847–1912)» (Орёл, 1916). С 1914 года преподавал географию в частной гимназии в Орле. В годы Первой мировой войны выступал на страницах «Орловского вестника» и «Орловских епархиальных ведомостей» как поэт и публицист, сторонник войны до победного конца и поборник традиционных ценностей.

После революции преподавал в Орле в техникумах и школе ФЗУ. Во время фашистской оккупации Орла Азбукин сотрудничал с немцами и печатался в газете «Речь» под псевдонимами «Н. Вечерин», «Н. В.», выступал на городском радио – читал лекции о литературе, рассказывал о своей поездке в Германию. Активно критиковал антирелигиозную политику советской власти.

Бежал из Орла вместе с отступающими фашистами, с 1951 года жил в Нью-Йорке, преподавал русскую литературу в субботней школе святителя Иоасафа Белгородского, публиковал в газете «Православная Русь» стихи, поэмы и очерки под псевдонимом «Н. Утренев».

Кто против нас?

Кто против нас? // Гудок. 1927. № 158 (2143), 15 июля. С. 4. Подпись: Евгений Сокол.

С.М. Дружиловский [Дружеловский] (1894 – 1927) – русский офицер, сотрудник нескольких разведок. Окончил школу прапорщиков, служил в Русской императорской армии. До мая 1918 года находился в Гатчинской авиационной школе, затем в качестве вольнонаёмного поступил в Школу воздушного боя РККА. В Советской России дважды арестовывался «за спекуляцию и присвоение хлебных карточек». Дезертировал из рядов РККА; выехал нелегально в Финляндию. В чине подпоручика служил в армии Юденича. Затем в Ревеле занимался журналистикой, работал в «Рижском курьере»; получил польское гражданство. Сотрудничал с разведками европейских стран, работал в газете «Накануне» в Берлине. В июне 1926 года при попытке нелегального перехода государственной границы СССР был арестован.

Процесс по делу Дружиловского проходил в Москве 8-12 июля 1927 года, активно освещался прессой. Обвиняемый был приговорён к расстрелу.

Ляпчев и «Гудок»

Ляпчев и «Гудок» // Гудок. 1927. № 163 (2148), 21 июля. С. 4. Подпись: Евгений Сокол.

В овечьей шкуре

В овечьей шкуре // Гудок. 1928. № 135 (2419), 13 июня. С. 4. Подпись: Евгений Сокол.

Завклубом «удивляется»

Завклубом «удивляется» // Гудок. 1928. № 135 (2419), 13 июня. С. 4. Подпись: Сигма.

Сектанты орудуют

Сектанты орудуют // Гудок. 1928. № 135 (2419), 13 июня. С. 4. Подпись: Е. С.

Честолюбивый отец

Честолюбивый отец // Гудок. 1928. № 119 (2403), 24 мая. Литературная страничка № 5. С. 5-6. Подпись: Е. Сокол.

Будь начеку

Будь начеку // Гудок. 1927. № 154 (2139), 10 июля. С. 2. Подпись: Евгений Сокол.

Июльское восстание

Июльское восстание // Гудок. 1927. № 159 (2144), 16 июля. С. 2. Подпись: Евгений Сокол.

Вторая эскадрилья железнодорожников

Вторая эскадрилья железнодорожников // Гудок. 1927. № 169 (2154), 28 июля. С. 2. Подпись: Евгений Сокол.

Сакко и Ванцетти

Сакко и Ванцетти (С английского, Генри Райх) // Гудок. 1927. № 179 (2164), 9 августа. С. 2. Подпись: Перев. Евгений Сокол.

История Сакко и Ванцетти – одна из самых громких страниц рабочего движения начала XX века.

Никола Сакко и Бартоломео Ванцетти ещё подростками приехали в США из Италии. Первый работал на обувной фабрике, второй был чернорабочим на шахте, а потом торговал рыбой. Чувствуя на себе дискриминацию иммигрантов, они начали борьбу за трудовые права: организовывали митинги и забастовки. Это привело их в ряды анархистов, хотя ни в какую официальную организацию они не вступали.

Их обвинили в нападении на инкассаторов. Следствие и суд виновности обвиняемых не доказали, но в 1921 году приговорили итальянцев к казни на электрическом стуле. За Сакко и Ванцетти вступились Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Бернард Шоу, папа римский Пий XI. В Советском Союзе прошли многочисленные акции протеста. Однако мощная волна поддержки ни к чему не привела, все ходатайства судебные органы штата Массачусетс отклонили. 23 августа 1927 года Сакко и Ванцетти были казнены.

Железо

Железо (Стихи революционного турецкого поэта Махмэна Эман) // Гудок. 1927. № 186 (2171), 18 августа. Литературная страничка № 16. С. 1. Подпись: Перев. Евгений Сокол.

Имеется в виду турецкий поэт и писатель Мехмет Эмин (1869–1944).

Сакко — Ванцетти!

Сакко – Ванцетти! (С немецкого, Генрих Дахс) // Гудок. 1927. № 187 (2172), 19 августа. С. 1. Подпись: Перевел Евг. Сокол.

Убийцам

Убийцам // Гудок. 1927. № 191 (2176), 24 августа. С. 1. Подпись: Евгений Сокол.

Машинист

Машинист // Гудок. 1927. № 198 (2183), 1 сентября. Литературная страничка № 17. С. 5. Подпись: Евгений Сокол.

Песня о ленском расстреле

Песня о ленском расстреле // Гудок. 1928. № 90 (2374), 18 апреля. С. 2. Подпись: Евгений Сокол.

Георгий Шенгели. «Маяковский во весь рост»

Георгий Шенгели. «Маяковский во весь рост». Издание ВСП. Москва, 1927, стр. 52. Цена 55 коп. // Гудок. 1927. № 198 (2183), 1 сентября (Литературная страничка). С. 7. Подпись: Сигма.

ГАХН — Государственная академия художественных наук (1921–1931).

Человек из ресторана

Человек из ресторана // Гудок. 1927. № 198 (2183), 1 сентября. С. 4. Подпись: Сигма.

«Человек из ресторана» — черно-белый, немой фильм, вышедший на экраны летом 1927 года. В основе сценария – одноименная повесть И.С. Шмелева. Главную роль в фильме, снятом режиссером Я.А. Протазановым (1881–1945), сыграл М.А. Чехов (племянник А.П. Чехова; 1891–1955).

«Гамбург»

«Гамбург» // Гудок. 1927. № 205 (2190), 9 сентября. С. 4. Подпись: Сигма.

«Гамбург» – фильм 1926 года режиссёра Владимира Баллюзека, известный также под названиями «Красное братство» и «История

одного побега». Экранизации книги очерков и репортажей Ларисы Рейснер «Гамбург на баррикадах» (1923). До наших дней фильм сохранился не полностью. Насколько можно судить по сохранившимся частям, сюжет в основном связан с историей побега коммуниста Нильса Унгера из тюрьмы (тюремной больницы), куда он попал во время расправ над рабочими, участниками революционной борьбы.

ВУФКУ – Всеукраинское фотокиноуправление, государственная кинематографическая организация (1922 – 1930).

«Поцелуй Мэри Пикфорд»

«Поцелуй Мэри Пикфорд» // Гудок. 1927. № 211 (2196), 16 сентября. С. 6. Подпись: Сигма.

«Поцелуй Мэри Пикфорд» – комедийный фильм режиссёра Сергея Комарова, вышедший на экраны в 1927 году. Картина высмеивала неумеренную киноманию, обожание кинозвёзд, в частности, таких артистов, как Мэри Пикфорд и Дуглас Фэрбенкс, которые в июле 1926 года посетили СССР. В игровой фильм были включены кадры кинохроники, на которых Пикфорд целует одного из поклонников. Они были перемонтированы и легли в основу сюжета.

Фильм был снят кинокомпаниями «Межрабпом-Русь» и «Совкино». Акционерное общество «Межрабпом-Русь» было создано в Москве в 1924 году на базе киноателье «Русь». Всероссийское фотокинопромышленное акционерное общество «Советское кино» («Совкино») было учреждено государством в 1924 году. Входило в систему Наркомпроса, получило права на импорт, производство и монопольное право на прокат фильмов на территории РСФСР.

СОДЕРЖАНИЕ

В одной редакции с классиками.....5

Евгений Сокол: страницы биографии.....17

Приложение. Публикации Е.Г. Сокола в газете «Гудок»

Судебные репортажи.....51

Репортажи и отчёты.....69

Фельетоны и рассказ.....78

Стихотворения.....90

Рецензии.....100

Примечания и комментарии.....106

Литературно-художественное издание

16+

В одной редакции с Булгаковым, Катаевым, Ильфом и Петровым

ЕВГЕНИЙ СОКОЛ И ГАЗЕТА «ГУДОК»

Технический редактор: Т.А. Агапий

Подписано в печать 03.12.2024 г. Формат 60×84 1/16
Печать ризография. Бумага офсетная. Гарнитура Arial MT
Объём 7,50 усл. печ. л. Тираж 100 экз. Заказ № 414

Лицензия ПД № 8-0023 от 25.09.2000 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета в авторской редакции
в ООО Полиграфическая фирма «Картуш»
г. Орел, ул. 2-я Посадская, 26. Тел.: (4862) 44-51-46.
E-mail: kartush.orel@yandex.ru www.kartush-orel.ru